

Вениамин Кисин
Борис Кисин

«ВЕРБЫ ВЕСЕННЯЯ ВЕСТЬ»

Рязань 2017

ББК 84 (2 Рос=4 Ряз) 6

К44

Вениамин Кисин, Борис Кисин. Вербы весенняя
весть. – Г.П. Иванова, статьи, составление. – Рязань:
ИП Жуков В.Ю., 2017. – 140 с.: ил.: фото.

ISBN 978-5-904308-07-0

© Г.П. Иванова, 2017.

© В.Ю. Жуков, 2017.

С благодарностью –

хранителям творческого наследия
и архивных документов
Вениамина и Бориса Кисиных

в РГАЛИ, РГБ, ГМИРЛ им. В.И.Даля,
РИАМЗ, ГАРО,
РОХМ им. И.П.Пожалостина,
РОУНБ им. М.Горького

Татьяне Горяевой,
Елене Каневской,
Наталье Стрижковой,
Маргарите Юриной,
Дмитрию Неустроеву,
Дмитрию Баку,
Алексею Невскому,
Евгении Варенцовой,
Ольге Кречетовой,

Елене Чумичёвой,
Ирине Самойловой,
Татьяне Синельниковой,
Дмитрию Филиппову,
Людмиле Рогожкиной,
Татьяне Пономарёвой,
Светлане Нехорошевой,
Тамаре Синяевой,
Елене Крючковой,
Алле Суриной

Вениамин Кисин

«Алмазная корона в небесах...»

«Алмазная корона в небесах»¹

120 лет со дня рождения и 95 лет памяти Вениамина Кисина
(8 марта ст.ст. 1897 – 12 апреля 1922)

Читаю стихи рязанских поэтов в сборниках, изданных в Рязани в 20-х годах прошлого века, «а в небе голубом горит одна звезда»² - Вениамин Кисин.

*Вениамин Кисин. 1910-е.
РГАЛИ, 2255, 2, 22, л.2.*

В воспоминаниях Михаила Мурашова о Сергее Есенине есть эпизод со словами Есенина о стихотворении Блока, которые мне вспомнились и которые мне не приходилось так переживать прежде: «оно как бы светит мне».

И хотя я не знаю даже значения отдельных слов в строчках стихов Кисина, его стихотворения «как бы светят мне».

Эти стихи предполагают проникновение в их автора литературы не только современной ему, и не только литературы.

По его строчкам видно, что, не зная Маяковского, Есенина, Клюева, Мариенгофа, Северянина, Пастернака, ..., лично и личностно и творчески глубоко, так не напишешь:

«Васильки разбросала в смарагдовом поле,
Ты омыла глаза синевой,
И плывешь надо мной в осяянном просторе,
И плывет голубь твой.
Эти сонные руки мне снились, мне снились
И ресниц опушенная тень,
И не раз вечера умирать уводили
В пурпур роз и в немую сирень.
Там, где синяя тишь, золотое молчанье,
И червленые маки огней,
Засветилась звезда – голубое качанье,
Жемчуг на шее твоей.
И в лиловой фате, и в прозрачных покровах,
Безмятежность очей осень,
Уплываешь, и гаснешь, и манишь сурово –
Не со мной, не моя, – не меня...
Васильки зацвели в аметистовом поле
На кострах уносимых святынь,
Но в объятиях синь и молчанье неволи,
На губах опаленных – полынь».³

«В сельском уборе

Ты из цветка шепнула мне: «Я здесь».
Был полдень жгуч, и небо пламенело,
И нестерпимо радостно горела
Небесная чуть слышимая весь.
Ты из ветвей шепнула мне: «С тобой».
Березкой шелохнулась белогибкой
И промелькнула зайчиком-улыбкой
От речки захмелевшей и живой.
Ты с крыл пчелы гудением взметнулась,
Жуком мою тропу переползла
И бабочкой, что краткий день жила,
К душе отверстой жутко прикоснулась.
Неизгладима радость быстрых встреч,
Ржаных колосьев – кос златистое дыханье,
Медвяный запах загорелых плеч
И милых ситцевых одежд благоуханье.
Я на песке следов твоих искал,
Плыл с облаком над чернью раскалённой,
И смуглость рук, сияньем опалённых,
Несчётно и забвенно целовал».⁴

«Акростих Верочке Марецкой

Вейся, вейся, зелёная веточка.
(Ещё черны облака надо мной).
Радостногубая Верочка
Опахнула улыбку весной.
Чу, шалунья, крылатую песенку,
Как на небо алмазную лесенку,
Алую лесенку ласковых слов...».⁵

«Византийская императрица

В шлеме ночи, звенящем погибелью,
В горностае кровавой порфиры,
Рыжекудрая, мраморно-белая,
Из какого приходишь ты мира.
Рук молочных алебастр голубеющий
В огневые браслеты закован.
Белоснежный полёт голубей -
С низкой шеи в пушистые кровы.
Сурьмой на-брови хрип истязания,
Кровь застенка в живые агаты,
По плечам иссечённым стезя –
И другою притти не могла ты.
Диадемы рубины кровавые –
Душ проклявших последние вскрики:
Вкруг бедра, в притираний отраве,
Вопли оргий змеёй повилики.
Оттого, что персты византийские
Жёлтой жёлчью сожжённые вайи,
Я целую, клеймёный скиф,
След порочных сандалий твоих».⁶

«Золотой лилии

О, не плачьте так горько, маркиза,
над монархом казнённым;
Вы испортите краску на Вашем прекрасном лице...
...Sire! Вы стали ещё величавей,
чем были в короне,
В багрянице пурпурной и в златокровавом венце.
Дайте мне Вашу руку. Как
сладостны синие жилки.
Ваша мушка сказала, что вечер - ко мне - благосклонен...

... Там на площади жуткой, в толпе, полногрудая милка
В тесноте прижималась, глумясь

над поверженным троном.

Как сладки Ваши ласки. Как жутки и пряны мгновенья.

О, маркиза, нас ночь с золотистыми лильями ждёт.

... И с улыбкой изящной, как в нежную ночь наслажденья,
Каблучками стуча, на высокий взойдём эшафот...». ⁷

«Марсельеза

К оружию, граждане! Отвсюду лютый враг

Стремит свои полки на пажити свободы,

Он нас поработит опять на долги годы

И осквернит трехцветный славный стяг.

К оружию, граждане! Смыкайте батальоны,

Уж слышатся в полях крестьян несчастных стоны,

И если нам врагов не одолеть,

То честь свободного – свободным умереть». ⁸

«Неизглаголаннный! Волнами синими

Вытекает солнца золотое око.

Неизглаголаннный! Зачем пустынями

Влачишь меня и ломаешь жестоко.

Цветами багровыми крови измученной

Скользкий свод кроплю на пути.

Неизглаголаннный! Остры излучины,

Хребет перебитый кричит: «Пусти!».

На синем куполе пятна кровавые

Звездами утренними заблестят ли,

Руки сведенные – авва! авва! –

Вербам весенним ли ясные ясли?» ⁹

И по отдельным посвящениям и стихам его собратьев по перу видно, что и для них он особенный. Иван Борисов «Беломорье»: «Моей улыбке – В.Кисину»; Владимир Круглов «Глубины»: «Боли моей – Вениамину Кисину»; Николай Решиков «Писанка»: «Другу и брату Вениамину Кисину»; Дмитрий Майзельс «Памяти Вени»:

«<...> Слово твоё взмеренное –
В узорные зори, в цветные ветра.
Стебель зелёный - в солнечные взоры,
Закатав бронзовые веера.
Секретарь мудро улыбающийся
отделения Союза,
Увековечивший тягучую Рязань.
Вечностью мерцающая твоя
застреленная муза.
Я ничего не сказал»¹⁰.

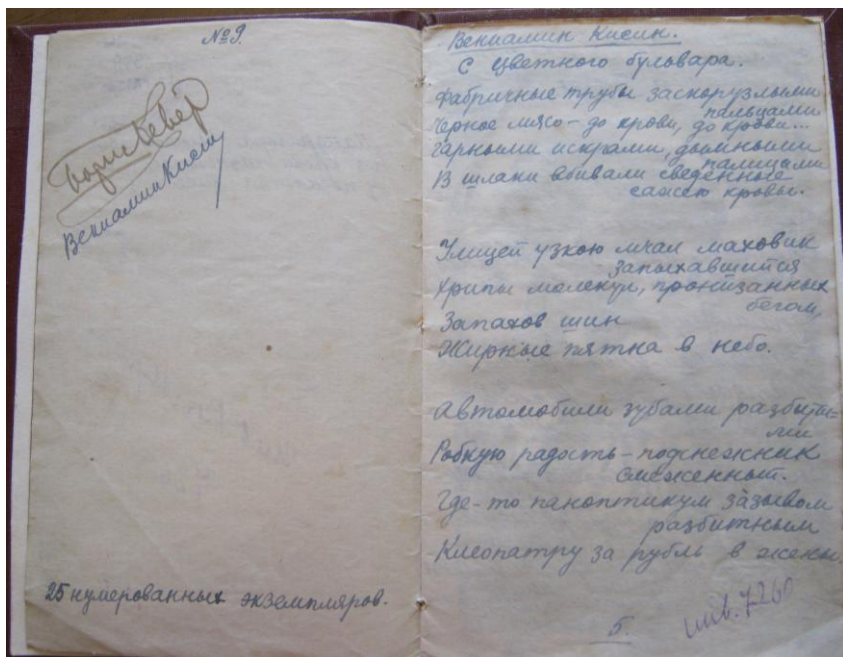
И оттого, что всё непонятно: и откуда такие стихи, и откуда сам поэт, такой неожиданный в Рязани, – читаю всё, что есть о нём в Рязани в РОУНБ им. М.Горького, в Научной библиотеке РИАМЗ, в фондах РИАМЗ, в Рязанском областном архиве и в Москве в Российском архиве литературы и искусства, в Российской государственной библиотеке, в Государственном музее истории русской литературы им. В.И.Даля; и, конечно, выясняю значение непонятных мне слов, которые впервые прочитала в его стихах.

Мимо Вениамина Кисина не прошли такие же особенные преподаватели Рязанского педагогического института (теперь – университета) Василий Павлович Гришин и Игорь Николаевич Гаврилов, которые во мне во время учёбы в институте поддержали и развивали мой интерес к подлинному, настоящему. В их работах¹¹ – основные сведения о поэте: родился в Рязани, окончил Рязанскую 1-ю мужскую гимназию, учился в Московском университете на медицинском факуль-

тете, был одним из организаторов и первым секретарём Рязанского отделения Союза поэтов, одним из инициаторов и создателей Рязанского «Дома искусств», издателем сборников стихов в Рязани, автором Декларации нового литературного течения «Люминизм», погиб в Москве неожиданно и рано.

В архивах Рязани и Москвы хранятся все сборники со стихами Вениамина Кисина («Коралловый корабль», «Сегодня», «Плетень», «Голгофа строф», «Киноварь», «Из недр земли», «Багряница», «Собрание стихотворений», «Мирское сердце»); воспоминания о нём его младшего брата Бориса Кисина; рукописные сборники со стихами Вениамина Кисина и Бориса Кисина (Бориса Кевера) и с иллюстрациями Бориса Кисина, которые издавали Кисины («Мандрагора», «Калейдоскоп», «Полишинель»); рукописи стихотворений В. Кисина – автографы Вениамина в основном и Бориса Кисиных в предполагавшихся к изданию сборниках «Звёздные ресницы», «Белена», «Белое пламя» – «Плаха пульса», «Асфальтовая месса», «Смерть в виссоне», «Мирское сердце», «Рязань на Яру»; воспоминания А.В.Белякова, фотографии Вениамина Кисина, Бориса Кисина, Александра Белякова – это всё сохранил, собрал и передал в архивы Борис Моисеевич Кисин.

Творчество Бориса Кисина «рождено и возвращено», как он сам писал, его братом. «Писать начал с 14 лет. Выступил впервые как поэт в 21 под псевдонимом Бориса Кевера»¹². «Кевер» на языке Иврит означает «могила», указывает на мрачный характер творчества поэта»¹³. Вместе с братом Борис Кисин участвовал в коллективных сборниках своими стихами, издавал ещё и рукописные сборники, в которых их стихи написаны от руки Вениамином, а Борис иллюстрировал и оформлял эти редчайшие драгоценности, проросшие талантами их авторов.

*Вениамин Кисин. Борис Кевер. Мандрагора
Стихи. Рязань: 1921.
НБ РИАМЗ. Р2Р К-44.*

Сам талантливый поэт, художник, искусствовед, полиграфист, педагог, Борис Кисин не мог не понимать, кто его брат, и сделал всё, чтобы достойно профессионально и талантливо увековечить его память, чтобы и современникам и грядущим поколениям искусство Вениамина Кисина стало известно как источник света и тепла и сам «он весь» – как «дитя добра и света».

Смертельную боль от потери брата можно было пережить только с его памятью, с его стихами в своём творчестве. И Борис Кисин издаёт в 1923 году в Москве сборник стихов брата¹⁴ с обложкой и рисунками Г.М.Тиходеева (Григорий Михайлович Тиходеев работал в театре Мейерхольда, инженер, доктор технических наук), с фотографией В.Кисина 1915

года (которая напомнила мне снимки Леонида Каннегисера и Николая Гумилёва), со своей вступительной статьёй и с комментариями ко всем стихам, изданным и неизданным, и с эпиграфом из стихотворения Вениамина Кисина из его неизданного сборника:

- «1. Как преодолеть смерть близкого,
Когда навеки закрываются глаза его,
И дорогие черты засыпает земля?
2. Вот был он – и нет его,
Вот облегчал он страдания твои
Любовью своею –
И нет её.
-
4. Ещё звучит в памяти голос его –
А он в земле.
5. Ещё живёт в боли любовь
его –
А он уже тлеет.
6. Пища червей и разложения,
Жертва неведомого и непо-
нятного.
(В.Кисин. «Белое пламя»)»¹⁵.

И свой диплом художника и полиграфиста во ВХУТЕ-МАСе – в Высшем художественно-техническом Институте (в ноябре 1927 года переименован) Борис Кисин защищает сборником стихов брата, написанных в 1921-1922 годах¹⁶ (Макет и гравюры Б.Кисина. Исполнено в качестве дипломной работы по полиграфическому факультету Высшего художественно-технического Института. Отпечатано 40 экз. в типографии Института. Гублит – 28544). И в своих комментариях Борис Кисин пишет, передавая слова Вениамина Кисина: «Все персонажи «Мирского сердца» – сам автор. У по-

эта должно быть мирское сердце, радости и страдания со всеми»¹⁷.

Родные братья по рождению и таланту остались неразрывными и нераздельными и после ухода Вениамина Кисина в жизнь вечную, какими были в жизни земной.

В своих воспоминаниях Борис Кисин приводит слова о Вениамине Кисине знавших поэта лично и его творчество Бориса Пильняка, приехавшего в Рязань, и Павла Радимова, одним из своих стихотворений участвовавшего в коллективном сборнике «Из недр земли», вышедшем в 1922 году в Рязани, где впервые стихи Вениамина Кисина были опубликованы под рубрикой «Люминисты»:

«И тогда я узнал, что предо мною поэт, облечённый Милостью Божией – что русская наша колыбель – поочье, Таруса, Рязань, Зарайск, Касимов, наши русские веси – родят, родятся, бухнут; так радостно всегда знать, что пришёл ещё новый твой брат». (Б.Пильняк);

«Искренний в душевной взволнованности, Вениамин Кисин в своём поэтическом наследии трогает читателя острой и радостной любовью, пантеистически широкой, к пустынному полевому и лесному простору Руси. Вместе с тем, он, современник мировых событий, бунтарской душой порвал застой устаревшего обихода, напряжённо зовёт новую эру человечества, мечтательно и верно преданный заветам и поискам творчества». (П.Радимов)¹⁸.

Благодаря Борису Кисину узнаём сведения биографии и все опубликованные стихи и рукописи неопубликованного литературного наследия Вениамина Кисина.

«Вениамин Мойсеевич (так.) Кисин 8-го марта (ст.ст.) 1897 года родился в г.Рязани»¹⁹. В письме Тарасу Мачтету в ответ на его вопросы Вениамин Кисин пишет: «Кто я такой, откуда <...>. Родина моя – с.Задубровье Спас. уез., Ряз. обл.»²⁰.

1713/III 182.

Турбокоу самачини
Тарас Творосевиц!

Испраши: како поборити Аурогунт
Бана убогоста. Како да се поборити испраши
Творити ја поддржану Бану Ставеро глеа.
Бану отанисо и емије ми изигрун
и испраши ја туј слово днаодарствоин.
Регакунотас Бансеус емин Бан
макне слово днаодарствоин и ја Бану
отанисо и емије. Бану испраши
отанисо и емије Бану испраши
будети нониседа, туј убогост, колерде,
Варода в емин Бану испраши.

Менује и јору отанисини Бану Та
Бану, мидо-ко миде месно. Бану
и Бану испраши: „Кино и јанис, отаниса
и нонису јанис Бану? Убогосте —
Радиса нос-е Јадурјосе Бану. уј; Р. уј.
А отанисини Умпраинисан (мидер, ијасе,
и јанис, еке Бану испраши) Мекротекан

(В документах Рязанской городской Управы, как указано на обороте копии свидетельства о рождении Бориса Кисина, представленной им во ВХУТЕМАС в 1922 году, в ГАРО сейчас нет этой «Книги о родившихся евреях...», как нет и других Книг, где могла быть запись о рождении Вениамина Кисина. Но его рождение в Рязани подтверждено, кроме воспоминаний Б.М.Кисина, в Аттестате зрелости В.Кисина. Вполне вероятно, что, так как в селе Задубровье была Никольская церковь, но православная, его рождение было документально оформлено в Рязанской синагоге и место рождения записано: Рязань. К тому же, постоянное местожительство Кисиных – Рязань, где они были квартиронанимателями в целом ряде домов, а в селе Задубровье родители своего первенца находились временно в связи с работой Моисея Соломоновича Кисина – торговлей лесом).

Детство Вениамина Кисина прошло в Рязани.

Борис Кисин писал: «О раннем его детстве почти ничего не помню. Помню только осенние сумерки Судного дня, алые угли в печке. Взрослые в синагоге, а мы, собравшись в кружок, слушаем сказки «Елены, сказочницы погостинской». И это причудливое сочетание – Судный день и дремучие леса, и овраги, где таятся разбойники, и папоротники – не здесь ли корни его творчества, с одной стороны, проникновенно постигающего «Россию, Расею, Расеюшку», а с другой – такого глубоко еврейского».²¹

«Первый образ дома» в стихотворениях Вениамина Кисина:

«Над кроватью клонилаь мама.
Маломещанская. Дом Соколова.
Против трехоконного дома
Страшный разбойный пустырь,
Над пустырем – оловянная ширь».
«Я всё такой же большой ребёнок.
Сад Соколова мой сон качал.
В зелёных заката затонах

Над Маломещанской моего
детства свеча.
Ведь я всё так же в желаньях
неистов,
Все так же глыбкой грустью повит.
Под суровой скорлупой сутулого люминиста
Детское сердце хрипит о любви».
«И о тебе ли забуду -
(над тазом с вишнёвым вареньем склонясь),
К чьим губам я тянулся, как к чуду,
О мама – голубых ободочков вязь».²²
«А какие у мамы сказки
(Даже няня не знает таких)
<...>
Как не вспомнить мне маму мою.
И белых цветов не надо
И не надо живой воды, -
Когда под бровями рядом
Васильки, живые цветы».²³

В 1905 году вся его семья пережила погром дикий и беспощадный только за то, что они евреи. (Фамилия «Кисин» – № 39 в одном из списков «Дела об ассигновании средств на выдачу пособий евреям, пострадавшим от погрома 23-24 октября 1905 г.»).²⁴ Моисей Соломонович Кисин отказался от пособия в пользу беднейших.²⁵ Ущерб был огромный, но был далеко не полностью возмещён, а погромщики не были наказаны. По счастью, жертв среди евреев не было, так как погром начался не с квартир, а с магазинов, им принадлежавшим. К чести города, нашлись в Рязани люди, приютившие их в своих домах во время и после погрома. Вениамину Кисину было восемь лет, Борису – шесть годиков. «Пух и осколки в развороченной нашей квартире»²⁶, – вспоминал позднее Борис Кисин. («<...> Как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что

все, и притом чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят? <...> если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя? <...> Этот праздник, это избавление от чертовщины посредственности, этот взлет над скудоумием будней – всё это родилось на их земле, говорило на их языке и принадлежало к их племени. <...> В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмеянием и истекало кровью столько ни в чём не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к добру и сердечному общению! <...> Отчего не сказали: <...> Вы первые и лучшие христиане мира. Вы именно то, чему вас противопоставляли самые худшие и слабые из вас», – писал Борис Пастернак в своей великой книге «Доктор Живаго»).

Почти с 6 лет Вениамин Кисин «сел за книги, сначала обучался древнееврейскому языку, изучал еврейское богословие, позднее стал готовиться в гимназию»²⁷.

«У Вени взгляд не по-детски строгий

И душа ненасытимая»²⁸, – писал он о себе позднее.

«Часто он до утра просиживал за книгами». «...Он всегда с книгой, всегда что-нибудь читает или пишет. Проснёшься ночью, часа в два горит лампочка, и черноволосая голова над какими-нибудь страницами»²⁹.

«За время пребывания в гимназии 1906-15 он серьёзно изучает философию и литературу русскую, еврейскую, иностранную. Первую философскую книгу («Этику» Спинозы) он читает в возрасте 12-13 лет»³⁰.

По просьбе Бориса Кисина в 1965 году Александр Васильевич Беляков – профессор, доктор наук, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, участник в качестве штурмана (командир В.П.Чкалов) беспересадочных перелетов через Северный Ледовитый океан и Северный по-

люс, участник Гражданской войны в дивизии под командованием В.И. Чапаева и Великой отечественной войны – написал воспоминания «Далёкое прошлое», и Борис Кисин передал их в РГАЛИ и рязанскому краеведу Дмитрию Коновалову для Рязанского музея в Кремле. В фондах музея хранится и Похвальный лист Вениамина Кисина, ученика 1У класса, удостоенного награды 1-й степени «за отличные успехи и отличное поведение при переходе из Ш в 1У класс Рязанской 1-й гимназии», и Сведения о его успехах и поведении в 1914-15 годах³¹.

Вспоминая своего «дорогого незабвенного друга детства и юношества», Александр Беляков пишет:

«<...>. Когда меня осенью этого года отец привёл в гимназию, то в классе уже на всех местах сидели мальчики моего возраста. Оставалось свободным только одно место на самой задней парте во втором ряду от окна. На это место я и был посажен. И, конечно, я не думал тогда, что таким образом на задней парте я просижу все восемь лет учёбы.

Слева от меня на этой задней парте сидел тихий и застенчивый мальчик – это был Веня Кисин. Мы сразу же с ним сдружились. <...>.

Веня был не очень крепким мальчиком. Постоянная бледность тонко очерченного лица и весьма хрупкое телосложение заставили меня относиться к нему с нежностью и заботой. Он отвечал мне тем же. В старших классах он заметно поздоровел и стал более общительным и словоохотливым.

Веня обладал изумительной памятью и прекрасными способностями. Он всегда всё знал, и я не помню случая, чтобы он затруднился ответить на любой вопрос преподавателя. Так он и был все 8 лет отличным учеником и круглым пятёрочником. Это был «первый ученик».

Я бывал у него дома. Познакомился с очень скромными родителями, его сестрой и братьями. В этой семье не было ссор, ни грубых слов, ни пустого времяпрепровождения. Об-

становка была трудовая, среди книг, в мечтах о счастливом и интересном будущем.

По пути из гимназии Веня успевал зайти почти каждый день в библиотеку «Благородного собрания».

И всегда на уроках среди учебников я видел его книги для чтения. Мне думается, он перечитал всю библиотеку.

В 1915 году Веня окончил гимназию с золотой медалью – единственный медалист в нашем классе». ³²

Копия Аттестата зрелости Вениамина Кисина с его подлинной собственноручной подписью хранится в Государственном архиве Рязанской области:

«Аттестат зрелости

Дан сей сыну Витебского мещанина Вениамину Мовшеву Кисину, иудейского вероисповедания, родившемуся в городе Рязани 1897 года марта 8 дня в том, что он, вступив в Рязанскую 1-ю гимназию 16 августа 1906 года, при отличном поведении, обучался по 29 апреля 1915 года и окончил полный восьмиклассный курс, при чём обнаружил нижеследующие познания:

В Законе Божиим	–
« Русском языке и словесности	5
« Латинском языке	5
« Философской пропедевтике	5
Математике	
Физике	
Математической географии	
Истории	
Географии	все 5
Немецком языке	
Французском языке	
Законоведении	

Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках в особенности по физике, Педагогический Совет гимназии постановил наградить его Золотой медалью и выдать ему, Кисину, аттестат зрелости, предоставляющий все права, обозначенные в параграфах 12 – 132 ВЫСОЧАЙШЕ утверждённого 30 июля 1771 года Устава гимназий и прогимназий.

Директор
Инспектор
Законоучитель
Члены Педагогического Совета

Апреля 30 дня 1915 г.
№ 584

Секретарь Совета

Аттестат и документы
получил Вениамин Кисин
желаю поступить в».³³

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Дать сей *Великому князю* *Владимиру Александровичу Киселину*, *русскому* впродолженіи, родившемуся *въ 22 февраля* 1897 года *шестидесяти* въ томъ, что онъ, вступивъ въ РИЗАНСКУЮ 1-ю ГИМНАЗИЮ *въ августѣ* 1905 года, при *антисемидовѣденіи*, обучался по *Учрежденію* 1905 года и окончилъ полный восьмиклассный курсъ, при чемъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

- По Закону Божіему _____
 - Русскаго яз. и словесности _____ 5
 - Латинскаго языка _____ 5
 - Философской пропедевтики _____ 5
 - Математики _____
 - Физикъ _____
 - Математической географіи _____
 - Исторіи _____
 - Географіи _____
 - Немецкаго языка _____
 - Французскаго языка _____
 - Законоученіи _____
- } Не 5

Во вниманіе къ постоянно отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ, въ особенности по *физикѣ*, Педагогической Совѣтъ гимназій постановилъ наградить его *Золотой* медалью и выдать ему, *Киселину*, аттестатъ зрѣлости, предоставляющийъ всѣ права, обозначенныя въ §§ 129—132 ВѢСНОЧАПШЕ утвержденного 30-го июля 1871 года Устава гимназій и прогимназій.

Директоръ

Инспекторъ

Законоучитель

У него
печатъ
гимназій

Члены Педагогическаго
Совѣта

Александръ Яковлевъ 1915 г.
№ 588

Секретарь Совѣта
Аттестатъ и документъ
получить *Великому князю Киселину*.

Желаю поступить въ

В РГАЛИ хранятся две фотографии Вениамина Кисина³⁴ и одна – Александра Белякова с дарственной надписью о день окончания гимназии:

«Вене отъ А.Белякова.

30/1У-1915

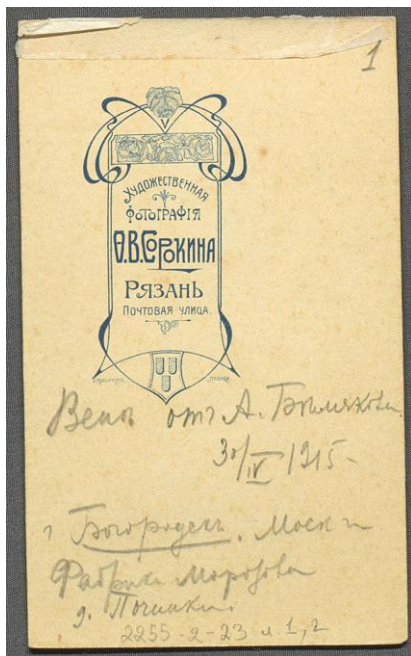
г.Богородскъ. Моск. губ.

Фабрика Морозова

д. Починки».

(Художественная фотография Ф.В.Сорокина,

Рязань, Почтовая улица).

*А. Беляков. Фото 1915 г. с инскриптом В. Кисину.
РГАЛИ, 2255, 2, 23, лл.1,1об.*

В своих воспоминаниях о брате Борис Кисин пишет: «<...> рассказывая дома над остывающей тарелкой супа, о тяготах и печалях гимназической жизни, вдруг оживлялся, вспоминая о тебе, Саша».³⁵

Михаил Владимирович Самыгин (Марк Криницкий), преподававший в гимназии словесность первые шесть лет обучения Вениамина, при встрече в 1922 году в Рязани с Борисом Кисиным, после гибели Вениамина Кисина, сказал: «Это был самый талантливый мой ученик».³⁶

Вениамин Кисин продолжает обучение в Императорском Московском технологическом училище³⁷ (с 1918 года – Московское высшее технологическое училище, с 1989 – МВТУ им Н.Э.Баумана), на Высших литературных курсах Главпрофобра при Наркомпросе (Поварская, 52)³⁸, слушал курсы в Московском университете.

«Философия и филология влекут его, но судьба еврейского юноши дореволюционного времени заставляет его поступить на медицинский факультет».³⁹

«Немало горьких минут доставило ему изучение медицины, которая так резко дисгармонировала с его стремлениями». Но и занятия медициной «не отвлекают его от работы в любимой области. Приблизительно в 1916-17 годах ... увлекается толстовством, но это увлечение быстро проходит. Во время революции сильно интересуется социализмом и, в особенности, анархизмом, читает произведения средневековых мистиков и творения отцов церкви. Он изучает старообрядчество, сектантство и православие. И познания его в этой области становятся весьма значительными». «Он хорошо понимает, что «есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах» – эти слова он часто повторял.

Писать он начал давно. Первые его произведения помечены 1914 годом, но стихи попадают уже в его детских записных книжках. Он начал писать, когда ему было 11-12 лет, а может быть и раньше.

В печати впервые появляется в 1916 году с критическими статьями в рязанском журнале «Голос молодежи», где он писал под псевдонимом В.Бавли» (бавли – евреи, переселённые в Вавилонию, создавшие завершённое творение, канон – Талмуд Бавли).

«Как поэт впервые стал выступать в 1919 году. Период 1918-19-1921 годов был... периодом творческого роста».⁴⁰

Известна и его ранняя проза: рассказ, повесть, роман «Призраки».⁴¹ В повести «Из дневника Константина Леонардова»⁴² он пишет: «Какая могильная, холодная, безсильная тоска! Как хочется покоя. Лечь бы, вытянулся – и уснул, заснул без грязи и сновидений и надо или испугаться и кончить жизнь или все-таки принять её. О сердце бедное! Крепись, не падай. «Стойко будь, не трепещи», как говорится где-то у древних».

Вениамин Кисин участвует в литературной жизни Москвы. Только по воспоминаниям Тараса Мачтета – его выступления в собрании «Литературного особняка», во «Дворце Искусств» на Вечере современной поэзии, в клубе ВСП на Вечере поэзии люминистов с провозглашением Декларации люминизма. О последнем вечере Вениамина Кисина в своём дневнике 10 апреля 1922 года Мачтет писал: «Наш вечер уж третий, поэтов-иллюминистов (так в рукописи), назначенный на 6 апреля в «Звене», прошёл в прошлый четверг».⁴³

Вениамин Кисин «много и напряженно работает в области поэзии и в области организации и объединения литературных сил Рязани».

Он инициатор, организатор и секретарь первого литературного объединения в 1920 году в Рязани – Рязанского отделения Всероссийского союза поэтов. Сергей Есенин, 24 августа 1919 года избранный в президиум Всероссийского союза поэтов, участвовал в обсуждении места проведения собраний Рязанского отделения ВСП.

Вместе с другими организует «Дом Искусства», объединивший деятелей всех видов искусства, где и является

одним из главных работников; издает сборники стихов «Коралловый корабль», «Киноварь», «Сегодня» и др.»⁴⁴

Первый его коллективный сборник с его стихами выходит в Рязани в 1920 году. Но уже в 1918 году он задумывает издание журнала, пишет Тарасу Мачтету письмо с предложением сотрудничать с верой «в силы местные», говорит о «пока ещё потенциальных силах» и о своём желании «их расшевелить, растолкать, пробудить».⁴⁵

И в ответ на сомнения Мачтета пишет: «У меня лично и у моих товарищей есть вера в силы местные. <...>. Мы рискнули на такой шаг и, если он не удастся, то будем довольны и тем, что хоть одна мысль о журнале захватит каждого, заставит его в этом направлении поработать, подумать... И сделает его в будущем способным уже на воплощение ея. Вы говорите, что неудача может убить энергию, я думаю наоборот – неудача в достижении известной цели ставит вопрос о её достижении ребром...».⁴⁶

В Рязани в Государственном издательстве Рязанского отделения Всероссийского Союза поэтов выходит целый ряд сборников:

«Голгофа строф. 1920;

«Коралловый корабль». 1921. Обложка работы Бориса Кисина;

«Киноварь». 1921;

«Сегодня». Обложка Г.Тиходеева. 1921;

«Из недр земли». 1922.

Вениамин Кисин. Багряница. Стихи. 1922.

Вместе с братом Вениамин Кисин выпускает рукописные сборники:

Кисин В., Кевер Б. Мандрагора. Стихи. Рукописный сборник. Рязань: 1921. Рис. Б.Кисина и Г.Туганова⁴⁷;

«Калейдоскоп». «Словопись – Вениамина Кисина, цветопись Бориса Кисина». Рукопись № 1. Рязань, 1921.⁴⁸

В августе 1921 года выходит первый номер рукописного журнала «Полишинель»⁴⁹ («непериодическое издание декоративной мастерской»), в котором было заявлено участие поэтов: В.Кисина, Д.Майзельса, Т.Мачтета, Рабиндраната Тагора, Рабиндраната Иконникова и др.; художников: Маэстро [Нестерова], Агасфера [Б.Кисина], До-ре-ми [Туганова], Ре-ми [Ремизова] и др.

Эпиграф из Гоголя: «Смех значительней и глубже, чем думают... Возмущает только то, что мрачно, а смех светел... Кто льёт часто душевные, глубокие слёзы, тот, кажется, больше всех смеётся на свете!».

На 1 странице – Александр Блок, рис. До-ре-ми.

На обороте этой страницы:

«Памяти Александра Блока

Нет Александра Блока.

Пусто и гулко на свете.

Прекрасная Дама, смуглолицая Цыганка, разухабистая плясовица Солдатка – поникшие тени на берегу ограждённой Невы.

Россия зегзицею кычет на берегу туманной Непрядвы, словно перед Куликовым полем.

Тонким пальцам не низать жемчуга стихов на тонкие нити сердец – синий ладан гибкотелою змейкой вокруг золота печальных свечей.

Кому возместить потерю -

Нет Александра Блока!

Для кого сойдёт Христос на изумрудную траву заростающих улиц Петрограда?

Чёрная хмара широкими крыльями плёсов Поволжья – чёрный набат с берегов полночной Невы. Чёрным сургучём, чёрным:

умер Александр Блок.

Умер».

«Эта чёрная музыка» теперь уже не «Блока» (как писал о поэте в своём стихотворении Георгий Иванов), а всех участников журнала, разве что за исключением Тараса Мачтета (запись в его дневнике я не смогла бы переписать даже если бы это кому-нибудь было необходимо). Сам текст так написать мог Вениамин Кисин: это соответствие «словесной походке» его стиха, и даже в знаках препинания – он. Но каждому так «пусто и гулко» от этой «потери».

Этим текстом оправдано заявление: «Редакция надеется, что наш журнал займёт не последнее место в истории русской литературы».

В журнале – стихотворения Вениамина Кисина («Полишинель»), Дмитрия Майзельса, Бориса Кисина («Завет лаборантам-трошинцам студента Агасфера»).

Готовится к изданию коллективный сборник «Огненный лебедь».

В 1922 году в сборнике «Из недр земли» Кисин публикует свою поэму «Предбанник (Искус)» с посвящением «М.Г.(так в рукописи, в публикациях – «М.Е.») Когану – пестуну, учителю и другу»⁵⁰ под рубрикой «люминисты» и в статье «Октябрь в отражении современной литературы», приводя стихи Есенина, кратко и ёмко передаёт суть творчества Сергея Есенина не только этого времени.

Чтобы показать, насколько значима, глубока эта составляющая его дара, привожу (к сожалению, сокращённый мною) текст:

«Многим и многим гроза и буря Октября – только вой и плеск разнузданной стихии, вскипающий вихрь сорвавшегося с цепи хаоса, праведный гнев, рожденный под литой пятой угнетения, на пропитанных насквозь человеческой кровью полях трехлетней бойни, только слепой бунт и бессмысленное восстание.

З.Гиппиус, И.Эренбург.

<...> так иным была Октябрьская революция.

Другие за внешним хаосом и жестокостью прозрели грядущего Мессию – <...>А.Блок.

Так являлся октябрь певцу Прекрасной Дамы, теперь уже смежившему свои голубые лепестки голубому цветку – Ал.Блоку.

А.Белый, имажинисты, А.Мариенгофу же – пречистое тело на дыбе. «Христа на дыбе вздыбленном в Чрезвычайке». <...> Кровь заливает глаза России – но на дыбе он – Христос. <...>.

И новую песнь в свои заушные уши – Велемир Хлебников <...>

Вл.Маяковский, Н.Клюев «Есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах...». <...>.

Сергей Есенин <...> и из «деревенского хулигана», размашистого и забубенного, вдруг является пророческий и строгий тон....

<...> Орешин, Ширяевец.

Михаил Артамонов.

До окт. деревня Ив.Бунин и В.Муйжель. Ив.Вольный, Подъячев, В.Шишков, М.Сивачев, Вс.Иванов, Низовой-Прибой, Г.Гребенщиков, Ляшко, М.Гастев, Александровский, Герасимов (дар такой и душа поверхностная).

<...>. Вл.Кириллов, Филипченко, Садофьев.

Это – Железный Мессия. <...>.

И по русской литературе шагает он той же железной поступью, ещё новичок, ещё в железных пелёнках, но уже поднявший, каменотёс, над миром свой молот, уже поднявший, знаменосец, над миром алое знамя, уже взявший серп пожинать грядущую жатву, колосающуюся в бороздах великих битв».⁵¹

В рукописи своей статьи «Слово о современной поэзии» Вениамин Кисин приводит слова Л. Шестова: «Надо искать

того, кто выше правды и неправды, – надо искать Бога». ⁵²

Он не мог не писать и свято нёс крест и свет своего призвания, избранничества. Об этом говорят и стихи, известные и по его ранним рукописям:

«Огонь, огонь меня сжигает.
Пылает сердце день и ночь
И облегчения не знает.
Господь один мне мог помочь,
Но он забыл меня в юдоли,
К моей не приклонился доле,
Лишь мог бы мне Господь помочь!
Я день горел. Приходит ночь –
И вновь возжён костёр горящий,
Вновь пламя огненное скачет, -
Не шлет успокоенья ночь.
Мне шепчет день: Гори! Пророчь!
Кричи о таинствах незримых,
О небесах, огнем палимых...
И шепчет ночь: Гори! Пророчь!».

«Отвергаю сей мир, как
лежащий во зле,
Отвергаю.
Часть большую себя, часть вселенского
зла,
Отвергаю.
И в пустой тишине воздвигаю я крест,
Воздвигаю.
И себя на кресте, на мучений кресте,
Распинаю.
Ноги-руки себе острым тонким
гвоздем
Прибиваю.

Сердце острым копьём, смертоносным
копьём
Прободаю.
Истекаю страданием, как кровью
горячей,
Истекаю.
И всегда в этом зло растлевающим
мире
Я душой умираю». ⁵³

А 21 июля 1919 года он пишет стихотворение – описание происходящего в стране как только Богом избранный поэт мог это увидеть и понять, как читаем в стихах Анатолия Мариенгофа, дающих ключ к изображению образа Христа у Александра Блока («...пальнём-ка пулей в Святую Русь... И идут без имени святого... Вдаль идут державным шагом... Впереди с кровавым флагом, /и за вьюгой невидим, / и от пули невредим ... впереди Иисус Христос...»), но «В белом венчике из роз»).

«На носилках Христа на морозе оставили.
Он бессилён подняться. И стынет покорно.
И Отец, что испить эту чашу заставил,
Ему выключает сердце, как ворон.
С Богоматери сорвано платьице скромное –
Обнажили девичий хранимый цветок.
Победитель, рыча, под заборы укромные,
Кровью снег обагрив, её поволок.
Я сегодня видал, как в могилу бескрестную
Целый воз мертвецов без гробов привезли.
Я сегодня видал: вот молитву воскресную
Палачи в полотно облекли.
Так роди же ты, ночь, огневое чудовище –
Пусть пожрёт этот мир и меня вместе с ним,
И отравится язвами, кровью и гноищем, -
И само околет под небом пустым» ⁵⁴.

В письме от 11 июня 1966 года зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И.Егоровой Борис Кисин перечисляет книги Сергея Есенина с автографами Вениамина Кисина из его библиотеки: «Голубень», СПб., 1918; «Радуница», 2-й год 1 века; «Сельский часослов», 2-й год 1 века; «Ключи Марии», М., 20, – и другие издания, имеющие отношение к Есенину и которые, может быть, нужны музею: сб. «Конница бурь», М., 20; «Золотой кипяток», М., 21; «Автографы»; А.Мариенгоф «Разочарование Мариенгофа», М., 22; А.Крученых «Есенин и Москва кабацкая», 1926, «Гибель Есенина», М., 26; Леонов «И пусть это будет Рязань», «Сов. писатель», М., 37; фото Есенин и Леонов; 2 экз. стихотворения С.Есенина «Шаганэ» на фр. языке с пояснением Б. Кисина: «Перевод сделан в 20-х годах рязанской поэтессой Елизаветой Михайловной Хрущёвой. Она перевела несколько его стихотворений, но у меня случайно сохранился только этот перевод».⁵⁵

В сборнике «Голгофа строф», возможно, предполагалось участие Сергея Есенина, если верить безоговорочно воспоминаниям. Но если и предполагалось, то не состояться могло только в связи с отсутствием Вениамина Кисина при обсуждении состава участников.

Насколько важен и значим для Вениамина Кисина был Сергей Есенин, можно понять даже всего из нескольких строк его письма Тарасу Мачтету: «<...>. Посылаю Вам с Хориковым, который едет в Петроград, «Киноварь» (5 экз. Вам, пять Кугушевой, два Апушкину, два Пастернаку, пять отдайте в президиум обязательно). <...>. Недели через две открывается кафе (на углу Астраханской и Почтовой), приезжайте и захватите с собой кого-нибудь из поэтов, хотя бы Мареева.

Почему Есенин не приехал? Тарас, очень меня обяжете, если зайдёте на квартиру Кугушевой и отдадите для него письмо и сборники «Киноварь». А лучше – постарайтесь для Таточки и соберитесь к ней в больницу и обрадуйте бедную

изнывающую душу письмом, а главное – сборниками. <...>. Дорогой Тарас Григорьевич, постарайтесь побыть лично у Кугушевой и сообщите мне». ⁵⁶ (Следующей страницы – продолжения письма нет).

Рязань, 28 авг. 1947. 3

Дорогой Тарас Григорьевич,
Простите, что не писал все время,
но я нечаян Вас к нам в Рязань,
а между тем Вам не удастся
то-то выехать. Поехала Вам
с Хориковичи, который едет в
Петроград, Кисовари / Баж. Вам,
идит Кугушевой, два - Аннушкин
два Касперяну, идет отряде
в президенту обобщительно /
Мои подруги в доме здесь ковать
«Сборник «Огненная Ледя» в
полном соответствии с указаниями
только розлучив. Ваши два револю
ционеры пойдут, так же замор
со стачки на смерть рабочего
Терещева и несе Вощениной.
Кадри через две открываеица
Кадре (ка друи Астраханской
и пошовой) приезжайте и

Зачем же с собой кого-нибудь
из поэтов, хотя бы Мареева.
Почему Звенин не приезжает?
Тарае, очень меня обяжете
если зайдете на квартиру
Кукушковой и отдадите мне
его письмо и сборники
Киноварь. А лучше - поез-
жайте к ней в больницу и
сообщите ей в больницу и
обрадуйте бедную изнурившую
душу писавши, а также
сборниками. Напишите ли
что-нибудь. Кукушкова я
посылаю свое новое стихот-
ворение "По Оке" - она Вам
покажет его, надеюсь. Воровой
Тарае Григорьевич, поезжайте
также повидать маму у Куку-
шковой и сообщите мне,

РГАЛИ, 324, 1, 57, л. 2об., л. 3.
Письмо Кисина Мачтету. 28 авг. 1921 г.

В письме Тарасу Мачтету в числе других новостей Николай Хориков пишет: «Послал все наши рязанские сборники и «Плетень» в Британский музей в Лондон». (РГАЛИ, 324, 1. 22 сентября 1921 г.).

Как в произведениях истинного поэта, каждое слово в стихах Вениамина Кисина глубоко значимо и многозначимо, и так понять, как это знал и понимал сам Кисин, недоступно и для самых близких. Но те знаки, которые сам поэт явно посылает своим творчеством, могут быть доступны не всем, но многим.

В сборнике «Плетень» (Петровск, 1921)⁵⁷ опубликовано стихотворение «Цыганка» («В платье маковом ломкая Таня...») с посвящением Татьяне Александровне Ивановой (балерина, руководила балетной студией Рязанского Дома искусств, вела занятия по балетному искусству, позднее стала искусствоведом, исследователем творчества М.Ю. Лермонтова):

«Цыганка
Т.А. Ивановой

В платье маковом ломкая Таня,
Звон запястий, колец и серег.
Побледнели рубины в тумане,
Искривился зазубренный рог.
Все большее, хмельнее и резче
Жёлтым пламенем бьётся печаль,
И крылом через смуглые плечи
Размахнулась зелёная шаль,
Что не мне эти медные руки
Осыпают горячую пыль,
Не по мне, у степной у излуки
Задымится слеза на ковыль.
Не с тобой мне медвяные росы,
Не с тобой окропленная рожь,

Смоляные тяжелые косы
Ты не мне, ты не мне расплетишь.
И в монетах, огнях и монистах
Синей дымкой костра за курган,
Где коней, смуглотел и неистов,
У кибиток стреножил цыган.
[Что последней сердечною вспышкой
Оторвался пурпуровый блик,
Что на ласточек крыльях, все выше,
За моря, в переливной пыли,
Где шурша в наплывающей тиши
Всколосился туман от земли.
Замирай в помутневшем румянце,
Горькой страсти цыганская нить.
Пусть, клонясь опадающим танцем,
Нежеланная жизнь дозвонит».

И название сборника «Плетень», и слова стихотворения в нём «В платье маковом ломкая Таня...» перекликаются с есенинскими «плетнёвый палисад», «королевой у плетня» и глубоко значимо – с фамилией любимой героини главного героя рассказа В.Кисина «Смерть» Изумрудова Марией Александровной Плетнёвой: «Ах, если бы никогда не проходила эта ночь, и можно было бы вот так плыть по реке, слушать молодой женский голос, смотреть на звёзды и чувствовать сердцем, что ты не умрёшь!...

Ах, если можно бы было...

Смерть пришла. Мария Александровна умерла».⁵⁸

Слова стихотворений, и названия сборников стихов Вениамина Кисина глубоко продуманы. В рукописи сборника «Мирское сердце» он посвящает «Водолив»⁵⁹ своему отцу. И это название неслучайно: имя отца – Мовша, Моисей, от древнееврейского Моше, обозначающего «вытащенный из воды, извлеченный, вытянутый из воды».

Название рукописного сборника «Мандрагора» объясняет эпитафия:

«...Мандрагора вырастает из крови казнённых и у подножия виселиц...».⁶⁰

Название сборника «Голгофа строф» говорит само за себя и не требует объяснений.

Но особая значимость названия сборника «Киноварь».

Киноварь – красный сульфид ртути для получения ртути и приготовления красок – известна в глубокой древности в живописи древнего Египта, Греции, Рима. Её использовали для приготовления краски в смеси с крапраном для прописывания крови на картинах. На Руси краски, изготовленные из киновари, использовали для росписи икон.

И слово «кино» – от греческого слова, обозначающего движение, двигаю, двигаюсь.

Это «кино», в котором варилось его творчество и вся его деятельность, пропитанная его кровью.

В сборнике «Киноварь»⁶¹, вышедшем 1 августа 1921 года, – стихи Бориса Пастернака:

«Наброски

Весеннее.

«Пара форточных петелек, ...»

Осеннее.

«Это вечер из пыли лепился и пышучи...»

Зимнее.

«Как не в своём рассудке, ...»

«Я не знаю, что тошней ...»

«Ну и надо ж было, тужась, ...»

«Между прочим все вы, чтицы, ...».

Эти стихи Пастернака вошли позднее в сборники его стихов «Темы и вариации» (Весеннее и Зимнее) и «Сестра моя жизнь» (Осеннее «Это вечер из пыли лепился и пышучи...» – как часть стихотворения «Послесловье»⁶²).

Слово «наброски» набрано малозаметным шрифтом, как будто только что напечатано на пишущей машинке, и это доносит до нас первозданность этих стихов, как только что написанных, которые даже в самом замысле мастера – совершенны как продиктованные свыше.

Эти «наброски» – драгоценная «капля смарагда» Бориса Пастернака («О свежесть, о капля смарагда // В упившихся ливнем кистях») в «смарагдовом поле» стихотворений Вениамина Кисина в этом сборнике, одно из которых – своё стихотворение «Дамянти» Кисин посвящает Пастернаку.

Он не просто пишет строчки посвящённого поэту стихотворения, он слагает гимн красоте, таланту, любви; здесь каждое слово исполнено высокой поэзии, начиная с имени Дамянти – названия стихотворения, где Наль и Дамянти – воплощение верности и самопожертвования:

«Дамянти

Борису Пастернаку

Снега припадают, как белая лань,
К голубям – голубым родникам.
Аукал ли, кликал коричневый Наль:
«Царственных лотосов родинка», –
В бамбуковых чашах, в сплетенье лиан,
В тропах, под змеиную быль,
Тревогу на пряные травы лия
Сквозь чёрные мышцы судьбы.
Серебряных прялок звенящая нить
Сквозь сердце – безлунный укол.
Гранатовым телом дышать и пьянить,
И виться и литься легко.
Тигровую шкурой по синим коврам
Расплавить свеченье волос.
Сестрой темногубой вчера и вчера
Клониться, одета в ожерелия слёз.

Снега припадают, как белая лань,
И сердце, за ланью вослед
Ночей Дамаянти! Легка и светла –
Пальцы об искристый лед»⁶³.

Они написаны для тех, кто каждую строчку, каждое слово будет впитывать, как вечную истину Бога Живаго, для тех, кто представил Бориса Леонидовича Пастернака к высшему литературному признанию и за его стихотворения (что не один год возможно было откладывать) и за его роман всей его жизни и поэтического творчества с лучшими его стихотворениями, что нельзя было не отметить сразу по прочтении.

Чувствуется родство Вениамина Кисина с Борисом Пастернаком личностное и поэтическое, которое и в строчках и в личном общении впитано талантливым поэтом, который лепил свое особенное, осиянное только его восприятием и воплощением как свет, как он назвал его, – *lumen*.

Им было что чувствовать и о чём говорить во всём мировом пространстве земли и неба. Они знали все языки и события, которые роднили их и по происхождению, и по рождению и судьбе.

Они встречались не только в Москве, но и в Рязани (Пастернак приезжал в Рязань и на своё литературное выступление), они знали друг друга, знали Бога Живаго так же, как те, кто не просто читал, но прочитал великую книгу Бориса Пастернака «Доктор Живаго». И, конечно, как и те, кто и не читал «Доктора Живаго», знали рязанцев Живаго и их деятельность в Рязани и теперь кичащихся этим знанием и только с этим именем связывающих имя главного героя романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» – имя Юрия Живаго, который так же высок и недосыгаем для них, «как звезда небесная к подошве» их «сапога»⁶⁴.

Борис Пастернак говорил, что доктор Живаго – это нечто среднее между им, Блоком и Есениным. Но и многие чер-

ты дяди Пастернака – доктора Кауфмана, к которому он приехал в Касимов, нашли отражение в романе в образе доктора Живаго.

Борис Пастернак живёт одним впечатлением от Касимова и от Рязани, когда пишет домой, что «Россия оживает», что Касимов – это Мальбург, где дома лепятся, и в одном из его стихотворений в «Киновари» – тоже слово «лепился» сознательного значения скульптурного, архитектурного.

И описание города Юратина в романе напоминает Касимов: «Он ярусами лепился на возвышенности, ... дом на доме и улица над улицей, с большим собором посередине на макушке...».

Эти слова Пастернака в письме, отразившем его впечатления от Касимова и Рязани:

«Касимов – это что-то вроде русского Марбурга <...>. Россия оживает и в Салтыкова-Щедрина просится уже не провинция, а в сравнении с её разумной жизнерадостной человечностью, – скорее уже сама Москва». ⁶⁵ Это «вербы весенняя весть», как писал Вениамин Кисин в стихотворении, которое предполагалось к публикации в сборнике «Белена» – «Плаха пульса», а позднее стало завершающим как часть его неоконченного романа «Рязань на Яру»:

«Всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
спрятанным в зелень,
в бездорожьях, у плесов –
по холмам и пригоркам, по полям и улогам –
всем –
одетым в колокольные звоны и в шепот полей,
в крик журавлей и молчанье закатов,
в изумруде весны и
багрянце осеннем, –
всем –
косопузым, забытым, заброшенным,
подслепогато усупленным в синь,

в платочках цветных и монашеских схимах,
всем – всем –
всем Рязаням, Елатьмам, Касимовам,
у просёлков, у шляхов проезжих, в бездорожной
осенней грязи
и под снежным убором, и в галочьем крике –
вербы весенняя весть».⁶⁶

Вениамин Кисин не успел всё задуманное осуществить и не дожил до того времени, когда Пастернаку удалось написать роман всей своей жизни, но оба они принесли свой мученический крест избранничества на алтарь вечной жизни и вечного искусства – «творчества и чудотворства».

После болезни Вениамин Кисин уезжает к отцу в деревню Акишино – недалеко от Касимова.

«Период после возвращения в Рязань стал периодом кипучей, даже лихорадочной деятельности. Словно предчувствуя близкую кончину, он работал без усталости, несмотря на тяжелые материальные условия, в которых в то время находился. Целыми днями просиживал он в книгохранилище, погружившись в какой-нибудь ветхий том. Утром, ещё лежа в постели, звал он маленького братишку и диктовал ему то, что рождалось за ночь. Эта энергия, это горение передавались окружающим. Словно сама атмосфера вокруг него была насыщена каким-то особенным «электричеством духа», как выразился один из близких ему людей. И в этой атмосфере всем нам легко и радостно работалось. Тяжело было нам расстаться с ним, когда он уезжал в Москву»,⁶⁷ – вспоминал Борис Кисин.

Сохранился в Рязани дом на улице Соборной, 13, в котором тогда жили Кисины, из которого в середине 1921 года Вениамин Кисин уезжал жить в свою последнюю поездку в Москву. Кисины жили на втором этаже, на первом – в семье своей жены Елизаветы Константиновны урождённой Плотниковой жил пролетарский писатель Иван Макаров.⁶⁸

«Москва тянула его, как центр умственной жизни. И там он продолжает так же интенсивно работать. Выступает, работает над целым рядом статей и над романом «Рязань на Яру»... Усиленно занимался он и в университете, чтобы быть свободным к лету. На лето у него был задуман целый ряд работ...».

В 1921 г. выступает с «Провозвестием люминизма» - литературного течения, к которому присоединяются поэты Дмитрий Майзельс. Наталья Кугушева и др.»⁶⁹: «Наша лирика – это то, что вырубается на граните резцом по броне для передачи векам. Мы пишем вне сегодняшнего дня»⁷⁰; «Мы, группа поэтов, объединённых творческим мироощущением, воспринимаем мир не как сумму разнородных явлений, но как выражение единой сущности, лежащей в основе всего. Мы зовём это сущное Люменом. Lumen. Прорастают глаза через вещи и плывут в осиянности Люмена. Пробиваются через душу и материю. Единый свет выявляется в многообразии форм, и одно из них – стих. <...>. Люминизм для нас не только литературный приём, но и подвиг всей нашей жизни – жизнь по стихам и стихи по жизни»⁷¹.

Продолжая свои воспоминания, Александр Беляков пишет:

«...после революции я встретил его в Москве, у него на квартире. Он жил в крохотной комнатке, которая была заполнена книгами и рукописями.

«Я занимаюсь поэзией, – сказал он мне, – и принадлежу к группе поэтов люминистов. Это от слова люмен – люминис – что по латыни означает свет».

Веня прочитал мне несколько своих стихотворений, и они произвели на меня большое впечатление новизной и цветистостью содержания»⁷².

«...Поэт жил на Бубнинском пер., дом 3, кв. 13, ныне – Зоологическая ул., дом 1»⁷³. Этот дом не сохранился, как и все дома Бубнинского переулка, а сам переулок вошёл в со-

став Зоологической улицы, и на месте дома 3 – теперь дом 1 на Зоологической улице.

В рукописи манифеста нового литературного течения Вениамин Кисин писал: «Люминизм lumen – свет. Снимается многоликая обманчивость образов, пестротканная Майя, и дышит «единосущное» присносущное Всё или Ничто.

Глаза, как травы, прорастают сквозь вещи и цветами зацветают в этой единосущности.<...>.

Творчество не может быть общедоступным: слово понято только испытанным в искусстве. Наши стихи и наше дыхание – одно: стихи по жизни – жизнь по стихам. Утренним ветерком веет по травам и душам: – зелёный стебель – солнце – это слово питается <...> внутренне самовозгорающейся и неодолимой динамикой душевной эсхатологии – и образы в нём – живые лики и огневеющее излучение насущного «Оно», раскаленные брызги его пробивались сквозь тяжелые плиты и взлетали к звёздам.

Страшное единоборство с ритмом, сопротивление мёртвого материала, но из косматых лап зловещей косности уже прорастает сочащийся смолами стебель в вишнёвом цветущем стиха вечным возвращением и животворящим истоком прорастающего огненными побегами бытия»⁷⁴.

«Насущное «Оно», LUMEN;
бушующий свет; красно-
крылый вихрь;
багровая грудь
грозовых парусов;
слепительная пена
космических вздохов,
не это и не то, но
всё во всём и ничто в
ничем, – вот оно,
искрогтивное, налетает,
как шквал, на угловое

сознание и по синим и
золотым полям рушащегося горизонта,
в вулканической симфонии, захлёстывает всё.

<...>но у самого надира, за последним пределом, в непроницаемом мраке – уже произрастает, как стебель, свет, и каплют росой зелёные волны, и в осиянном порыве, меж чёрных клочий, лазоревые лилии.

<...>И по огненным ступеням этого вспененного кипящего кровью слова, коралловый корабль наших стихов – с вала на вал, в смертельной схватке с плещущими горами, всё выше и выше – к обвитым зорями вратам, за которыми радостная слиянность звенит золотыми ключами «Оно».

Страшное единоборство с ритмом, сон, мёртвая материя, но из косматых лап зловещей косности уже прорастает сочащийся смолами стебель в вишнёвом цвете стиха.

Раздельные объекты для нас, люминистов, производное психической статики; динамически напряжена душа, исходя из вещи, как из рамы, зачерпывает пригоршнями «Оно» и окропляет им, как живой водой, мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему.

<...> мы несём всем насущное, ибо только «Оно» пронизывая всех, связывает всех как избранных, воедино, не механически, не насильственно-мёртвой хваткой, но вечным возвращением к животворящим истокам прорастающего огненными побегами бытия.

Зелёный стебель – солнце.

Знаменосцы люминизма:

поэты: Вениамин Кисин,

Дмитрий Майзельс,
Николай Рещиков».⁷⁵

(В публикации «Провозвестия люминизма», вышедшей в 1924 году, добавлены фамилии Тараса Мачтета и Натальи Кугушевой)⁷⁶.

Декларация люминизма, написанная Вениамином Кисиним, не только провозгласила, но и отразила его мироощущение, его стихи бывшие и будущие, «и только преждевременная смерть поэта заставила поблекнуть «зеленый стебель – солнце»...

В этом же, 1921 году, Вениамин Кисин написал гимн «Люминизм и смирение», где есть такие слова:

«Отчего у тебя такие суровые взоры,
о истина, и брови, нависшие хмуро,
отчего не улыбочива ты и
состраданья не знаешь к
чадам земли, приходящим
к твоим затворённым вратам.
И морщины легли возле губ,
как борозды, и на лбу,
словно в поле межи.
Отчего? Отчего?
Иль ты не знаешь, что песня
нужна нам, колыбельная
песня возлюбленной матери
сыну, убаюканному её голосом
милым и нежным.
Иль ты не знаешь, что нужна
нам весенняя песенка легче,
чем сон, где цветы,
где пчелы жужжат
и бабочки реют...».

Высказал в нём свою заветную мечту «Утренние ландыши срывать на снежных полях облаков, а не в изумруде долин, где свирель пастуха и глаза босоного-хмельных хоро-

водов». И устремился «За утренними ландышами выше высоких хребтов, в синюю синь и ледяные столпы»,⁷⁷ завещав «на ресницы мёртвые / порохить сладкоснежный свет».⁷⁸

«На пасху он собирается ехать в Рязань. 11-го апреля отправляется на вокзал, но, опоздав на поезд, идет к знакомым в гостиницу «Вулкан» на Владимиро-Долгоруковской улице. В 12 часов ночи возвращается домой...»⁷⁹.

«11 апреля вечером был в гостях у А.Малкеса в гостинице «Вулкан» на Владимиро-Долгоруковской улице. Возвращался домой после полуночи».⁸⁰

«В ночь с 11 на 12 апреля Вениамин Кисин был убит бандитами на Владимиро-Долгоруковской улице у подъезда гостиницы «Вулкан».⁸¹

В письме Евгению Евтушенко Борис Кисин пишет: «В 1922 году, прожив всего 25 лет, от пули неизвестного убийцы погиб мой брат. О нём положительно отзывался В.Брюсов. Дружил с ним и Б.Пастернак. После трагической смерти брата о нём писали С.Городецкий, П.Радимов, Б.Пильняк».⁸²

В своём Дневнике Тарас Мачтет так пишет о потере своего «товарища, полного сил и энергии, провозвестника иллюминизма»⁸³ (Для одних поэзия свет от Высшего источника, для других – всего лишь иллюминация): «Москва 15 апреля 1922 пасха суббота. Наступление Пасхи ознаменовалось совсем неожиданным убийством В.Кисина <...>. Напал пьяный бандит. «Руки вверх». И всё, что происходит в таких случаях, пуля в затылок наповал и быстрая смерть. <...> вчера его уже похоронили на еврейском кладбище».⁸⁴

На беду, в эту ночь не было рядом с Вениамином Кисиным «коричневого Наля» Беспорочного, который в индейской поэме не выстрелил в Златокрылого Лебедя и попросил своего колесничего Варшнея не стрелять, и Лебедь в благодарность за спасение рассказал Дамайанти о Нале, чтобы она полюбила его так же, как он её.

Вениамин Кисин был убит в возрасте 25 лет, «кровь запеклась на простреленном лбу», и не вышел из печати его «Огненный лебедь», им проанонсированный.

И не вышел альбом «Рязань на Яру» его стихов с обложкой и гравюрами на линолеуме Н.С.Трошина – руководителя художественной мастерской для рабочих и учащейся молодёжи, которую посещал Борис Кисин и которую назвали «Лабораторией живописи»: «<...> без него уже не мог продолжить так интересно задуманную работу. Вот так было: бандитские классовые бои ещё продолжались»⁸⁵.

Убит, как пишут в своих воспоминаниях Борис Кисин и Александр Беляков, «в перестрелке бандитов с милицией», «пулей шальной».

И преднамеренной или непреднамеренной, всё равно «бандитской», «шальной», потому что, как всякая пуля, напитанная ненавистью к «добру и свету», – эта тоже вряд ли была случайной.

Вениамин Кисин знал своё призвание и сознательно шёл предначертанным ему избранничеством. Не одно его стихотворение говорит об этом:

«Только мне оборванный ставень:
– Никогда. Никуда не уйти...», –

как и в строчках, написанных на обратной стороне первого листа тетради автографов В.Кисина в его первом предполагавшемся к публикации рукописном сборнике «Звёздные ресницы», которые можно понять как эпиграф:

«Моя душа на высоко натянутом канате
Над пропастью играет с гибелью, как
безрассудный акробат.
О братья, люди братья,
Я смерти так боюсь и так ей был бы
рад".⁸⁶

О своей гибели в свои «двадцать пять» Вениамин Кисин писал в стихотворении, помеченным 1921 годом в тетради Бориса Кисина «Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М. 1923. Исключённое», которого только часть была опубликована в 1923 году «по недосмотру цензуры», как вспоминал Борис Кисин:

«На пороге немых откровений,
После смерти ледяных поцелуев,
Земнородному страннику Вене –
Снежный сон по чёрному телу.
Земнородному Вене в сугробах,
У глав Симеона Столпника,
Христос, осеняющий злобу,
На снежный кладбища престол ник...
Ледяными пальцами в уши –
Губами и кровью пят:
“Благослови, грядущий,
Тело моё пропать”...
Снитесь, снитесь, милые лики,
Златокрылый мне сон истекай.
Тоньше жемчуга-повилики
Вкруг чела обвивайся, Рязань...
24 порога –
Скоро, скоро и двадцать пять.
“Благослови, убогий, –
Тело моё пропать”...
Вейтесь, вейтесь, милые лики,
Хороводом любимых рук.
“Боже мой! Боже Великий, –
В чёрно-багровые блики
Не прокричит петух”...».

(Симеон Столпник – святой, именем которого называлась одна из рязанских церквей. – Прим. Б.Кисина).⁸⁷

И о последней своей заре он написал в своём стихотворении. В 1976 году Борис Кисин написал стиховоспоминание о последней тропе брата по Можайскому шляху:

«Твоей памяти»

«Так прокричал передутренный петел,
Как и заря на Можайский на шлях» В.Кисин

«На Можайский шлях не заря упала,
На Можайский шлях не ветер пал.
По Можайскому шляху в полынном опале
Последняя твоя тропа».

«Брату»

«Чёрный полог с белой звездой.
Вечная память и вечный покой.
Не шевельнуться и не вздохнуть.
Долог и краток последний путь.
Галки кричат на Можайском шоссе,
Тащатся дроги на стылой росе.
Прожито мало – жить бы да жить,
Солнцу смеяться, любить и тужить,
Звёзды увидеть в утренней мгле,
След свой оставить на вечной земле.
Не досмеялся, не дотужил –
Голову ночью на камни сложил.
Кто твой убийца? Куда он пропал?
В тёмных дворах затерялась тропа.
Кровь запеклась на простреленном лбу,
Ветер над мёртвым затеял гульбу.
Да в багрянце холодной зари
Стыли ослепшие фонари.

Не досмеялся, не дотужил.
Голову даром на камни сложил.
Только остались в свитке веков
Светлые строки мудрых стихов».⁸⁸

Наталья Кугушева (Таточка, как звал её Вениамин Кисин) написала о «киновари» слов» Вениамина «в свитке веков» в стихотворении, посвящённом Борису Кисину:

«Ранней смерти цветком кровавым
Был увенчан наш друг и брат.
Те апрельские дни звучат,
Как зловещая медь литавров.
Но храним мы неугасимый
Звёздный отблеск его стихов,
Где горячую «киноварь» слов
На вершину взнесли серафимы...».⁸⁹

«Россия потеряла своего философа-поэта. <...> с какой-то особенной проникновенностью, любовью относился он к ней. Он знал, он понимал её, он проникал в её сущность. Она была родна и близка ему – с одной стороны «разбойная, буйная, шалая, бесшабашно-удалая Русь», а с другой стороны Русь отшельников и иноков, для которых «желанней келеек Афона для души на свете нет». Эта сторона Руси ему была особенно понятна и близка. И себя он не раз называл «кротким иноком», «кроткоглазым Вениамином. Но «кроткий инок» не закрывал глаз на действительную жизнь. Он принимал её всю со всеми её светлыми и тёмными сторонами».⁹⁰

«Россия

Кушаком свою долю удалую,
На бекрень забубенный картуз, –
Эх, разбойная, буйная, шалая,
Безоглядно-широкая Русь.

То похабною дробью гармоник
Дегтяную, смолистую ночь.
Вдруг – за облака сказки да сонники:
«Вниз сойди, краснокудрая дочь!
Не ломайся, царевна важнецкая,
Возращенная в звездном саду –
С льдов поморских, с кремля веденецкого
Я умыком тебя уведу».
До окошка резного, косящата
В пене огненной всхлестанной конь.
Кто ушкуйнику: «С Лика светящего
Той звезды заповедной не тронь!».
Уберу переливчатым бархатом,
В ленты, в бусы, в шелка, в кружева,
Через край сердца хмельная чарка-то,
Эх, бывай, молодая, жива.
А под пьяную руку венчальную,
Под хмельной молодецкий урок,
И тебя, недотрогу сусальную,
Головой о дубовый порог.
«Тега, тега вы, гуси-лебеди,
Снежный пух на лазурном лугу», -
У заросшей осокорем Лыбеди
То Аленушка на берегу.
Не клонись подорожной былинкою
На вечерний песок голубой.
Отражен золотою кувшинкою,
Будет братец сегодня с тобой».⁹¹

Он любил свою «Русь, Расею, Расеюшку», и, предвидя свой ранний уход, писал:

«...земля моя матушка,
Кто же будет любить
тебя так, как я?».

«Россия моя!<...>
Мне, чуж-чуженину,
так родна, жестока и близка
материнская, сестрина, жена
бледнолицая твоя тоска.
И хмель твой прогоркло-бражный,
и мамонтов кременный клык,
и перекасти-поле в меже подовражной,
и сермяжный шёпот ветлы.
Там, далеко, горячее солнце
и море в святых берегах,
куда Соломон, премудрый
 послан царь
И царица Савская, и где
 Иордан река.
К Ливанским нардам -
 снега изумрудные
И цветы: рубин, аметист, топаз, –
И Иерусалим золочёные купола
 сгрудил,
И к Галилее тропа.
Нет. Колдунья, ворожея вьюгами,
Сердце метелями рассекла
 пополам,
Холоднотелой подругою
К изголовью во льдах проплыла.
Уплывайте, корабли золочёные
К солнечнорадостным берегам,
мы – пленённые, полонённые,
и наша не ступит пилигримом
 нога.
Нам другое кладбище
В северных бедных краях,
и славянская рука напишет
на камне число и знак <...>.

Сыпь самоцветами море –
нам лежать в холодной суженой земле
В пёстром уборе, цветном уборе -
колокольные звоны кольцом обручальным пролей.
<...>
Но в последней беспомощной дрожи,
Не Он ли к тебе идет?...⁹²

Вениамин Кисин любил Россию. Он всё делал для российской культуры и просвещения и старался показать культуру страны, которой принадлежал по происхождению. Он провозглашал свет, *lumen*, и нёс его в своей жизни и в творчестве. В последний год своей жизни «с некоторыми московскими друзьями он собирался заняться переводами на русский язык еврейских поэтов, составить еврейскую антологию поэзии» и вместе со своим учителем М.Г. Коганом – перевод древнейшего источника знания, написанного метафорическим языком, – книги «Зогар» – «Книги сияния» (Света от Высшего источника), тексты которой были тайной, и все 2000 лет своего существования вплоть до нашего времени мудрецы и мыслители пытались расшифровать «Семь Зога ворот и ключей золотых»⁹³.

Вениамин Кисин не дожил до осуществления всего намеченного, но в своих стихах в свои предсказанные им «двадцать пять» он всё сказал.

«Листик коричневый, осени птица,
Разве не шепчет, что Бог воскресает?
В трещины неба снова сочится
Сладость давно позабытого рая.
Что из того, что все умирают?
Что из того, что страданий полны?
Разве нас всех всё равно не качают
Вечности пламенной зыбкие волны?

С радостным пеньем, души-причастницы,
Вы устремляйтесь к необычайному, –
К острым касаньям, к дышащим тайнам,
К светлым улыбкам, пира участницы,
Пойте, вплетайте в слёзы хваления,
В горе вливайте весть возрождения,
Души-причастницы, души-участницы,
Души на пире вечного бденья...».⁹⁴
«Всё отразится светом

нетленным.

Братья! Ловите эти мгновенья,
полные света неизъяснимого».⁹⁵

Примечания Источники

¹ Слова стихотворения В.Кисина «Твоя алмазная корона...». РГАЛИ, 2255, 1,7. «Звёздные ресницы»; 1,8. «Белое пламя»; НБ РИАМЗ РсР Г-60. «Голгофа строф».

² Слова стихотворения «Рай» (Небесный Иерусалим) - «Над небом голубым...» Андрея (Анри) Волохонского, написанного им на музыку Владимира Вавилова в ноябре 1972 года. В кн.: Анри Волохонский. Стихотворения, 1983 HERMITARE USA. («История одной песни»). Зеэв Гейзель, автор и исполнитель на иврите. bujhm.livejournal.com).

³ РГАЛИ, 2255, 1, 7, «Звёздные ресницы», 1 тетр. с 12, П тетр. с.42; НБ РИАМЗ РсР К-44, «Голгофа строф». (В основном все тексты стихотворений – опубликованные и неопубликованные) сверены и даны по автографам В.Кисина в предполагавшихся к изданию сборниках «Звёздные ресницы», «Белое пламя», «Белена» - «Плаха пульса», «Асфальтовая месса», «Смерть в виссоне», «Мирское сердце», «Рязань на Яру», хранящихся в РГАЛИ).

⁴ РГАЛИ, 2255, 1, 6 «Белое пламя», с. 22; 1,7, «Звёздные ресницы» 1 тетр. с.6, П тетр., с. 37об.

⁵ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. В.Кисин. «Багряница». Изд. Ряз.отд. ВСП, Рязань, 1922.

⁶ Там же.

⁷ РГАЛИ, 2255, 1,6, с.24; 2,14, Из цикла «Год тысяча семьсот...».

⁸ РГАЛИ, 2255, 1, 7, с. 24.

⁹ РГАЛИ, 2255, 1,7, «Звёздные ресницы» 1 тетр. с.18; П тетр. с. 29об. НБ РИАМЗ Р2Р К-44. «Багряница».

¹⁰ РГАЛИ, ф.2255 Б.Кисин, 2, 20. Д.Майзельс. «Памяти Вени». 1922. Автограф Б.Кисина.

¹¹ РОУНБ им. М.Горького. Очерки литературной жизни Рязани XIX-XX веков (1969) 2007; Литературная Рязань. Библиографический словарь. Рязань: 1992.

¹² РГАЛИ, ф. 341 Никитина Е.Ф., 1, 275.

¹³ РГАЛИ, ф. 2255 Б.Кисин, 2, 12.

¹⁴ НБ РИАМЗ. Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений, М.: 1923.

¹⁵ РГАЛИ, 2255, 1, 8. В.Кисин. «Белое пламя». 2-я книга стихов. 1919 г. Автограф, с.7.

¹⁶ НБ РИАМЗ. В.Кисин. «Мирское сердце». Стихи. М.: 1929.

¹⁷ РГАЛИ, 2255, 2, 12. .

¹⁸ РГАЛИ, 1624 Коллекция анкет и автобиографий, 3, 8.

-
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ РГАЛИ, 324, 1, 57. Письмо В.Кисина Т.Мачтету. 18/УП-1918 г., с.1.
- ²¹ НБ РИАМЗ Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.:1923. Вступительная статья Бориса Кисина.
- ²² РГАЛИ, 2255, 1, 8.
- ²³ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М., 1923, с.173.
- ²⁴ ГАРО, ф. 19, ед.хр. 1431.
- ²⁵ Исай Локшин. «Евреи. Судьбы. Власть». 2008.
- ²⁶ РГАЛИ, 341 Никитина Е.Ф., 1, 275.
- ²⁷ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ²⁸ РГАЛИ, 2255, 1, 8. «Белое пламя».
- ²⁹ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ РИАМЗ, РОМ П-8 ф. 73881/13, КП -73881/1.
- ³² РИАМЗ, НА-2256; РГАЛИ, 2, 7. А.В.Беляков. «Далёкое прошлое». (Воспоминания вошли в книгу А.Белякова: «Полёт сквозь годы», Воениздат, 1991).
- ³³ ГАРО, ф.609, оп.108, арх.№10, св.177, с.23.
- ³⁴ РГАЛИ, 2255, 2, 22, лл. 1,2.
- ³⁵ РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Воспоминания. Два друга», с.5.
- ³⁶ РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Воспоминания. Это было в Рязани». 1982.
- ³⁷ РГАЛИ, 324, 1, 57. Письмо В.Кисина Т.Мачтету. 18/УП-1918 г., с.1об.
- ³⁸ РГАЛИ, 2255, 1, 15. Удостоверение об отпуске в Рязань с 19 июня по 1 августа, выданное 14 июня 1921 г.
- ³⁹ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ РГАЛИ, 2255, 1, 4.[1916-18].
- ⁴² РГАЛИ, 2255, 1,3. Автограф 1916-17 г.
- ⁴³ ОР РГБ. Фонд 161, 8, 3. Дневник 1922 5 марта – 1922 20 апреля, с.143.
- ⁴⁴ РГАЛИ, 2255, 2, 12. Б.Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.
- ⁴⁵ РГАЛИ, 324, 1,57. Письмо В.Кисина Т.Мачтету. 18/УП-1918г., с.2.
- ⁴⁶ РГАЛИ, фонд 324 Г.Мачтет и Т.Мачтет, оп.1, ед. хр. 57. Письмо Кисина Мачтету 18/УП-1918. с.2 об.
- ⁴⁷ НБ РИАМЗ. Р2Р К-44.
- ⁴⁸ ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, Фонд 277, оп. 1, д.1.
- ⁴⁹ РИАМЗ, РОМ П-8, фонд 7388, ед. хр. 18.
- ⁵⁰ РГАЛИ, № 78560.
- ⁵¹ Там же, с. 108

-
- ⁵² РГАЛИ, 2255, 1, 14.
- ⁵³ РГАЛИ, 2255, 1, 5, «Белое пламя», с. 5, 5об., 6. 1918 г.
- ⁵⁴ РГАЛИ, 2255, 2, 15., с.6. Стихотворения, не вошедшие в сборник 1923 года. Тетрадь В.Кисина: «Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М. 1923. Исключённое».
- ⁵⁵ РИАМЗ, НА – 2556.
- ⁵⁶ РГАЛИ, 324, 1, 57. Письмо В.Кисина Т.Мачтету. 28 августа 1921 г., сс.3, 3об.
- ⁵⁷ РГАЛИ, № 78573, с.5,6. В автографах В.Кисина: РГАЛИ, 2255, 1, 6, с.35,36; 2255, 1, 7, с.31об., 32..
- ⁵⁸ РГАЛИ, 2255, 1, 3.
- ⁵⁹ Там же, 1, 8, с.60.
- ⁶⁰ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44.
- ⁶¹ НБ РИАМЗ, РСР К-41.
- ⁶² Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: У.-Фактория, 2008, сс.153—155, 156-157; 114-115.
- ⁶³ РГАЛИ, 2255, 1, 7, «Звёздные ресницы» П тетр., с.45. НБ РИАМЗ РСР к-41. «Киноварь», 1921, с.10.
- ⁶⁴ Слова из неоконченной статьи С.Есенина «Россияне», 1923 г. РГАЛИ, 190, 1, 66. Автограф.
- ⁶⁵ Б.Л.Пастернак. ПСС, 3, 349.
- ⁶⁶ РГАЛИ, 2255, 1, 8 «Белена» - «Плаха пульса», с. 25; 1, 10 «Рязань на Яру», с. 25..
- ⁶⁷ РГАЛИ, 1624, 3, 8; 2255, 2, 12; НБ РИАМЗ, Р2Р К-44.
- ⁶⁸ РИАМЗ, НА-2256. Письмо Б.М.Кисина зав. фондами музея Е.И.Егоровой. 28 июня 1966 г.
- ⁶⁹ РГАЛИ, 1624, 3, 8.
- ⁷⁰ РГБ, Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А.Бродский и Н.П.Сидоров. «Новая Москва», 1924. Декларация люминистов, с. 227.
- ⁷¹ Там же, «Провозвестие люминизма», с.227, 228.
- ⁷² РИАМЗ, НА-2256; РГАЛИ, 2255, 2, 7. А.Беляков. «Далёкое прошлое».
- ⁷³ РГАЛИ, 2255, 2, 12. Борис Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.
- ⁷⁴ РГАЛИ, фонд 2255, оп.1, ед. хр. 11. В.Кисин. «Провозвестие люминизма». 1921 г. Автограф.
- ⁷⁵ ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, фонд 277, оп.1, д.2. Кисин В.М.. Майзельс Д.. Решиков Н. «Провозвестие люминизма». Манифест, г. Москва, 1921, Автограф В.Кисина, сс.5,6,8,9.
- ⁷⁶ РГБ, Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А.Бродский и Н.П.Сидоров. «Новая Москва», 1924. с.231.

-
- ⁷⁷ РГАЛИ, 2255 В.Кисин и Б.Кисин, 1,12. Примечания и комментарии Бориса Кисина к произведениям Вениамина Кисина.
- ⁷⁸ РГАЛИ, 2255, 1,7, «Звёздные ресницы» П тетр.,с.47. 1,8. «Белое пламя». 2-я книга стихов. 1918-1922, с.31.
- ⁷⁹ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вступительная статья Б.Кисина в сборнике: Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.: 1923.
- ⁸⁰ РГАЛИ, 2255,2,12. Борис Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.
- ⁸¹ РГАЛИ, 1624, 3,8.
- ⁸² РГБ. «Строфы века». 2 изд., Минск-Москва, 1997, с.315.
- ⁸³ ОР РГБ, 162, 8, 3, с. 160 об.
- ⁸⁴ Там же, с.158 об., 159 об.
- ⁸⁵ НБ РОХМ, Воспоминания Н.С.Трошина. Материалы из архива художника. Хранитель архива – дочь художника Е.Н.Трошина.
- ⁸⁶ РГАЛИ, 2255, 1, 7. «Звёздные ресницы» 1 тетр., с.1 об.
- ⁸⁷ РГАЛИ, 2255, 2,15 с.7. Стихотворения, не вошедшие в сборник 1923 года с примечаниями Б.Кисина.
- ⁸⁸ РГАЛИ, 2255, 2, 4. Б.М.Кисин. Стихи, которые не прочтут. Сб. стихотворений. Т.1. Избранное. Машинопись и автографы 1923-1981.
- ⁸⁹ ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, 366, 1,3, л.46. Автограф Н.Кугушевой.
- ⁹⁰ РГАЛИ, 1624, 3,8.
- ⁹¹ РГАЛИ, 2255, 1,7 «Звёздные ресницы» П тетр., с. 26об., 27. НБ РИАМЗ Р2Р К-44 «Багряница».
- ⁹² РГАЛИ, 2255, 1,8.
- ⁹³ Слова из стихотворения В.Кисина «Шехерезада» НБ РИАМЗ, Р2Р К-44 . «Сегодня», Изд. Ряз. отд. ВСП., Рязань: 1921).
- ⁹⁴ РГАЛИ, 1,7»Звёздные ресницы»; 1,8 «Белое пламя».
- ⁹⁵ РГАЛИ, 2255, 1,6.

Галина Иванова.

«Плаха пульса»

Стихи опубликованные и неопубликованные

Тверская

Фонарь, в разврате пожелтевший,
Моноклем колет на углу.
И день, вином перегоревший,
В постельную влипает мглу.
Не звезды – сыпь на лбу больного.
Не ночь – мучительный альков.
И возле Пушкина слепого
Прибой вспотевших плотью снов.
И от театра до кофейни,
В асфальт, растленный до утра,
Наштукатуренная фея,
Закинув юбки, ты легла.
Ты взором горло перехватишь,
Ты сдавишь сердце в красный ком,
Привычный трепет – мягче ваты
И плеч, излизанных мешком.
Так боль, познавшую восторги
На мостовой, в гнилье афиш,
Ты за хрустящую пятерку
Охрипшим телом утолишь.

22/ХП.19

Твоя алмазная корона в небесах,
И росен лик и плеч твоих нарциссы,
И реют сны на сомкнутых устах,
И синяя фата течёт из пряной выси.
Ещё луна колдует над тобой
И роет, злобясь, ёмку могилу,
Но верен сердца опьянённый бой,
В ветвях запутался твой голос милый.

С горы река – в дрожащем серебре,
Известняка разбушевались глыбы, -
Уж прошуршит в таящейся норе,
Плеснёт в стекле играющая рыба...
Старик, крестясь, кропит во тьму часы
У мирного погоста на площадке,
И рыбаки у дремлющей косы
Зажгли янтарь на душегубках шатких.

Из-за бездушных губ ты острыми зубами
Вгрызлась в мои мечты, как разъярённый волк.
Ты мнёшь их хрупкость жёсткими ногами,
И душит их волос неумолимый шёлк.
И я – простерт, как труп (иль это только снится?),
Отравленную кровь роняю, чуть дыша.
Ну что ж... Ещё теперь ты стала бы гордиться
Своею вознесённостью, душа?

16/П-20

Из ран ночных сочится гноем страсть.
Терзай, терзай – твоя сегодня власть,
О ведьма рыжая с зелёными глазами.
По хриплым клавишам костлявой пятернёй
Ударил тот, кого в ночи с тобой
Назвать страшимся мы набухшими губами.
Да. Это он в промозглом кабаре
Поношенным тапёром на заре
Манишкой к роялю наклонился

И под разнузданный и купленный матчишл,
Меж пятен фотографий и афиш
Неслышно за подмостками смеялся.
Змеится он в багровых волосах,
В браслетах на напудренных ногах,
Меж пахнущими серою стенами.
Терзай, терзай – в горячий тигель пасть,
О, ведьма рыжая с зелёными глазами.

На красный холм любви приговорённой,
Где чёрный лебедь, шею выгибая,
Проклонет нежность верную насквозь...
Вот – хлеб причастия, но в голубое лоно
Заря взвила сердец кровавых гроздь –
Зеленый щебень трав окаменевших.
Чу! Звон косы и заступа удар.
Свинцовый пепел бдений отгоревших,
Поблекших уст прилипчивый угар.
С отчаянья к тебе вздымаю руки.
Тебя зарёй овеял ветерок?
Ах, Бог иль Дьявол мучат так жестоко,
И, не дорезавши, оставили хрипеть.
Стрелой рубиновой Всевидящее Око
Кольнуло мрак – и начал пепел петь.

4/Ш-20

Последняя гостья

Десять тёмных цветов ты положишь
на лоб истомлённый,
Десять сумерек – пальцев – забвение струится
из них.
Ничего не спрошу. И не жаль. Вот упали ладони,
Опустились ресницы. Навеки затих.
Десять траурных роз. Этот странный
веночек похищенья
С ароматом могилы, в прожилках
надежд.
С обещаьем восторгов. С огнём
воскресенья.
С ломким веяньем вечно желанных одежд.
Из пугающих глаз, как
стеблей перевитых
ограда,
Просветятся качанья нерукотворных светил –
Воплощенная жажда, живая отрада,
Всё, чему я не верил, всё, о чём я
молил.
За собой уведёшь в неизвестность
немотных разливов,
Только скажут глаза (не гляди, не
гляди в них): «Иди!».
Десять роз почернелых на лбу сиротливо,
Десять мраморных пальцев на холодной груди.

Когда Бог покидает душу,
Душа становится словно покойница,
Неподвижная, спеленатая,
Полная тления.
Мертвецы вспухают в зловонных могилах,
Усмехаются загнившими ртами,
Черви начинают копошиться
И душа кажется дымом,
Пространство становится пустотою,
Мир – враждебным и гулким.
Тогда, человече,
из глубины отчаяния
Воззови:
Боже мой! Боже мой! Зачем оставил
меня.

5/ХП-20

Сад мой, сад. Зацветайте, яблони,
Оснежайся, вишневый цвет.
Проступай, из напившейся заболоки
Янтарями смолистый мед.
Заплетайтесь, звёзды меж листьями.
Проплывут кругами лучистыми
Лепестки по закатной крови.
Сколочу шалаш огородничий
И, спокоен, незлобен и мудр,
Стану вместе с цветами
полдничать
И встречать омовенье утр.
В междузорье тропинкой росистою
Синий дым над полями - псалмы,
И всю ночь на коленях выстою,
Чтоб трава прошептала: «Аминь».

Целовать буду землю простёртую,
Погружённую в лунный свет.
А умру – на ресницы мёртвые
Порошить сладкоснежный цвет.

3.ХП-20

Чёрный голубь по линиям смуглой ладони,

Утро в шёлке пурпуровом –

кобальта труп.

Знать, что женские губы отныне не тронут

Бледногубой отравой ужаленных губ.

Что под парусом розовым отрок и

кормчий

По сиреневым всплескам

коралловых

рек,

Из янтарных предплечий всё громче

и громче

Обагрённый Profundis – капризный

Шопен.

Что китайские тени по

векам синелью,

О Це-и, о цикадах, о

гонге погонь –

И Ц – Сад, искривясь

над постелью,

Кровяные рубцы в остро-синий

огонь...

Пусть отчаяньем плачут

подъятые трубы

На одетый в багрянец утра

тлеющий труп –

Знать, что больше не тронут

в любимые губы

Черногубой отравой измученных губ.

Изящней Уайльда, беспутней Верлена.

Золотых подвязок вкус резеды.

Лилово-розовые почки сквозь кремовые
колена —

Выкрученные по спирали цветы.

Мускусных полушарий кальян
сине-чёрный,

Передничек Евы на потерянный
стыд.

Полновесные янтарные зёрна,
Хвостатые всадники — вперед! — на
щиты.

Терракотовая болячка в шёлковой
обёртке

Юбок, кружев, панталон и порока.

На живот, ароматнее апельсинной
корки, —

Постные чресла пророка.

Плыви по красным волнам океана,

Судорогой сцепленное Голгофское «ха»,

Пятнистым питоном кальяна

Завязанное в узел тело греха.

Звнящая трава, поющий камень,

Невнятная листва...

Ты приникал ли пересохшими устами

К покровам Божества?

И святой ночи ты расторгал ли звенья

Мучительных оков?

Ты слушал ли, о слушал дуновенье

Хрустальных ручейков?

О брат слепой! Ты бродишь возле тайны,

Но очи ты закрыл.

Смотри, какой огонь необычайный

Безмолвье ночи вдруг опламенил.

О, Россия!

Мне ли, поэту,
Не венчать твой израненный лик!
От 1917-го лета
В огни твои дни пролетели.
Сердцу отдельно ли биться
От миллионов сердец.
Трепетной птице,
Радужной птице
Браги багровой напиться,
В заревах видеть венец.
Чёрною ночью прикинну:
Север, и Юг, и Восток
Под краснотканную скинию
Шорохом вспугнутых ног.
Птицей! Крылами и леской
Бей солнценосный простор.
Трубы пылающий вестник
Через океаны простёр.
На огнерукий костёр
Всходим без лестниц.

Жеребёнок с отметинкой белой

На упрямо-доверчивом лбу.
Золотые соломинки пели
И навоз, разогретый и бурый.
Сладко утром встревожить молчанье
Звонким зовом растущей груди
И услышать ответное ржанье,
Мирный звон материнских удил.
И копытцами двор незнакомый
От конца до конца пробежать,
Ущипнуть стебелёк лакомый,
Потоптать изумрудную гать.

Но повеяли ветры иные -
Резкий бич, грубый окрик, узда.
Лишь овсинки луна золотые
Бросит в кормушку невзначай иногда.
Должен быть там, на небе пустынном
Кто-нибудь, чтоб услышал мольбу
Жеребёнка со звёздочкой чинной
На упрямом, с отметинкой лбу.

6 авг.1920

Тебе единой заутрениа тайная,
Синие сени зацветшего ладана.
Утро жемчужное воркует на куполе,
Все неразгаданное сердцем угадано.
Розы пылают необычайные,
Снежные лилии в пламя накапали,
Сонные стебли раскрыли кадильницы,
Бледные радуги алмазами выпали.
Росные стебли клонятся ниц –
Утренний клир – тебе единой,
Тебе единой – ладан синий,
Утро жемчужное воркует в куполе.

Богоматерь

Богоматерь! Зачем ты нарумянила щёки так густо
И чёлку начесала на лоб.
Сердце задыхается в безвоздушной грусти,
Мяса окровавленного бьющийся клочок.
Лилиями по глазам кнутом хлещешь,
Саломеей обернулась – и голова пророка в руках.
Оплотневают тюрьмою косные вещи,
Тело истлело, душа – прах.

С Цветного бульвара

Фабричные трубы заскорузлыми пальцами
Чёрное мясо – до крови, до крови...
Гарными искрами, дымными палицами
В шлаки вбивали сведённые сажею крови.
Улицей узкою мчал маховик запыхавшийся -
Хрипы молекул, пронизанных бегом,
Запахов шин
Жирные пятна в небо.
Автомобили зубами разбитыми
Робкую радость – подснежник смеженный.
Где-то паноптикум зазывом разбитным
Клеопатру за рубль в жены.

Синее платье твоё – райская куша,
Щёк узорный румянец первых: «Да будет» - загар,
Плод безосенних ветвей – родинка, мягко цветущая,
Губ лепестки – листьев познания кимвал.
Где ты коснулась ногами – там зацветают азалии,
Тысячелистник лекарственный зонтики мерно качает.
Что мне глаза беспечальные, что твои брови сказали,
Только лишь сердце немотное, тайны хранящее, знает.
Плещут ручьи многозвучные между цветов озарённых,
Ангелы радужно-крылые машут крылами, как лебеди,
Вынесла чашечку роза багрово из каждого стона.
«Радуйся, Присноблаженная!» –
всплыло в русалочьей заводи.
Синее платье твоё – радость небес безглагольных,
Лилии пальцев твоих вешней росой полны,
Глаз воспалённых ладонь касается –
и больше не больно,
Женщина – мудрый папирус века поглотившего Нила.

Свечение яхонтов свито в тугие косы,
Сон синих глаз – сапфирный водоём,
На зорях стон – кропление тайны, росы,
Цветут ладони розовеющим теплом.
Ты в скромном синем платье мне предстала,
Скрываясь, незаметная, жила,
Но я узнал – и тело просияло,
И плоть твою молитва обожгла.
Тебя до смерти славить не устану,
Когда безмолвье сердце рассечёт –
Ты дашь отраду зачерпнуть устами?
Завеешь ландышем тускнеющий отход?

Борис Кисин

«Эту ль жизнь поместить на плечах...»

«Эту ль жизнь поместить на плечах...»

Борис Моисеевич Кисин. Поэт. Художник. Педагог.
Искусствовед.

*Борис Кисин. Фото.
РГАЛИ, 681,1,1104.*

«По метрической книге о родившихся по гор. Рязани
евреях за 1899 год под № 9 мужской графы значится, что у
мещанина гор. Витебска Мовши Израилева Кисина от жены

его Хаи-Сары Шоломовой родился в гор.Рязани сын пятнадцатого июля тысяча восемьсот девяносто девятого года, нареченный по обряду Иудейской религии именем Бер. В сем подписью с приложением печати удостоверяю Раввин гор. г.Тулы и Рязани апр.19 дня 1901 г.»¹.

«Над кроватью клонилаь мама.
Маломещанская. Дом Соколова.
Против трехоконного дома –
Страшный разбойный пустырь.
Над пустырём – оловянная ширь...», –

это «первый образ дома» в стихах его старшего брата Вениамина Кисина.

В этом доме Борис Кисин родился, здесь прошло его детство.

Глава семейства Моисей Соломонович Кисин, по профессии столяр, приехал в Рязань из Витебска² в 1893 году³.

10 февраля 1907 года ему была выдана бессрочная паспортная книжка за № 37, а 21 декабря 1910 года – купеческое 1-й гильдии свидетельство за № 39. В списках евреев, проживающих в Рязани в 1912 году, указано, что Моисей Израилевич Кисин был владельцем дровяного склада.⁴

В Рязани до последних дней жили и похоронены Моисей Кисин, Розалия и Самуил⁵.

В семье было шестеро детей.⁶

Собственного дома у Кисиных не было, они были квартиронанимателями домов Соколова, Рябова, Асташевой, Харина, Шевченко. Дома были в основном деревянные, сохранились два дома – памятника архитектуры на улице Соборной № 8 и № 13.

А.В. Беляков (профессор, доктор наук, генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза, участник в качестве штурмана – командир В.П.Чкалов – беспересадочных перелётов через Северный Ледовитый океан и Северный полюс, участник Гражданской войны в дивизии под командова-

нием В.И. Чапаева и Великой отечественной войны) написал воспоминания о старшем брате Бориса Вениамине Кисине, с которым он все восемь лет учёбы в Рязанской 1-й мужской гимназии сидел за одной партой и который единственный из класса получил по окончании гимназии золотую медаль. Александр Беляков писал о семье своего «дорогого незабвенного друга»: «...Я бывал у него дома. Познакомился с очень скромными родителями, его сестрой и братьями. В этой семье не было ссор, ни грубых слов, ни пустого времяпрепровождения. Обстановка была трудовая, среди книг, в мечтах о счастливом и интересном будущем...».⁷

В своих воспоминаниях о брате Борис Кисин пишет: «<...> Рассказывая дома над остывающей тарелкой супа, о тяготах и печалях гимназической жизни, вдруг оживлялся, вспоминая о тебе, Саша».⁸

В РГАЛИ хранятся две фотографии Вениамина Кисина⁹ и одна – Александра Белякова с дарственной надписью о день окончания гимназии:

«Вене отъ А.Белякова.

30/1У-1915

г. Богородскъ. Моск. губ.

Фабрика Морозова

д. Починки».

(Художественная фотография Ф.В.Сорокина, Рязань, Почтовая улица).

Младший брат Кисиных Вениамина и Бориса Самуил с 1911 года тоже учился в Рязанской 1-й мужской гимназии. (ГАРО, ф.609, оп. 104, ед.хр.21, св. 172, л.16. Списки учеников с указанием имени, отчества, фамилии и местожительства их родителей за 1911-1912 гг.). А после окончания гимназии – в Рязанском институте народного образования (ГАРО, фонд 921, оп. 1, ед. хр. 106 Списки студентов РИНО 1920-22 гг.).

В 1905 году вся семья пережила погром дикий и беспощадный только за то, что они евреи. (Фамилия «Кисин» –

№ 39 в одном из списков «Дела об ассигновании средств на выдачу пособий евреям, пострадавшим от погрома 23-24 октября 1905 г.»).¹⁰ Моисей Соломонович Кисин отказался от пособия в пользу беднейших¹¹. Ущерб был огромный, но был далеко не полностью возмещён, а погромщики не были наказаны. По счастью, жертв среди евреев не было, так как погром начался не с квартир, а с магазинов, им принадлежавшим. К чести города, нашлись в Рязани люди, приютившие их в своих домах во время и после погрома. Вениамину Кисину было восемь лет, Борису – шесть, Самуилу – четыре годика. «Пух и осколки в развороченной нашей квартире»¹², – вспоминал позднее Борис Кисин. («<...> Как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и притом чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят? <...> если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя? <...> Этот праздник, это избавление от чертовщины посредственности, этот взлёт над скудоумием будней – всё это родилось на их земле, говорило на их языке и принадлежало к их племени. <...> В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмеянием и истекало кровью столько ни в чём не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к добру и сердечному общению! <...> Отчего не сказали: <...> Вы первые и лучшие христиане мира. Вы именно то, чему вас противопоставляли самые худшие и слабые из вас», – писал Борис Пастернак в своей великой книге «Доктор Живаго»).

Борис Кисин учился в частной Рязанской мужской гимназии Н.Н. Зелятрова с 1910 по 1917 годы, при переходах в каждый следующий класс получая Похвальные листы за хорошие и отличные успехи и отличное поведение. Рисование в гимназии преподавал С.А. Пырсин.¹³

Служил в Губернском Наркомпросе заведующим складом теневых картин в 1918 году.

В Рязанской красноармейской Художественной студии был лаборантом Лаборатории живописи Н.С. Трошина.

В Личном деле студента полиграфического факультета Кисина Бориса Моисеевича – его фотография, его заявление в Московские Высшие Государственные художественные мастерские: «...Прошу принять на печатно-графический факультет... 15 авг. 1922 г. Борис Кисин»¹⁴, – и подлинники и копии документов, удостоверений, справок, заявлений о его работе и образовании до поступления во ВХУТЕМАС.

С 1 января 1920 года по 15 августа 1921 года учился в Красноармейской художественной студии при Гарнизонном клубе. Художественной студией руководил «известнейший художник Филипп Андреевич Малявин, после его отъезда за границу руководство перешло к Михаилу Герасимовичу Кирсанову»¹⁵, который при Малявине был его заместителем. Был председателем комитета учащихся Художественной студии. «Получил подготовку на звание художника-инструктора».

«Удостоверение Рязанского губернского гарнизонного Красноармейского Клуба от 18 февраля 1921 года. Дано сие ученику художественной студии тов. Кисину в том, что со стороны клуба не встречается препятствия к посещению им Кисиным по воскресенья и праздничным дням Саженевского сельскохозяйственного училища для организации в нём художественного кружка учащихся».

«Саженевское училище (садоводства) 19 марта 1921 просит отпустить один раз в неделю еженедельно художника Бориса Кисина для преподавания рисования в названном профессионально-техническом училище».

«Состоял на службе в Гарнизонном клубе с 15 августа по 15 ноября 1921 года в должности художника-декоратора и исполнял свои обязанности добросовестно и аккуратно».

Состоял на службе в Рязанском районном комитете Всероссийского союза работников водного транспорта (культурно-просветительский отдел) и занимал «должность декоратора театра им. Свердлова» – справка от 31 октября 1921 года.¹⁶

Учился в Рязанском институте народного образования на факультете естествознания.¹⁷

В фонде 921, оп. 1, ед. хр.105. Списки студентов естественно-исторического факультета 1920-21 г.: «67. Кисин Борис Моисеевич зарегистрирован на естественно-историческом факультете». И в этом же фонде и этой описи и ед. хранения: «36. Кисин Борис Моисеевич № билета 9» в списке преподавателя высшей математики естественно-исторического факультета РИНО.

В августе 1921 года вышел первый номер рукописного журнала «Полишинель» («непериодическое издание декоративной мастерской») ¹⁸, в котором было заявлено участие поэтов: В.Кисина, Д.Майзельса, Т.Мачтета, Рабиндраната Тагора, Рабиндраната Иконникова и др.; художников: Маэстро [Нестерова], Агасфера [Б.Кисина], До-ре-ми [Туганова], Реми [Ремизова] и др.

Эпиграф из Гоголя: «Смех значительней и глубже, чем думают... Возмущает только то, что мрачно, а смех светел... Кто льёт часто душевные, глубокие слёзы, тот, кажется, больше всех смеётся на свете!».

На 1 странице – Александр Блок, рис. До-ре-ми.

На обороте этой страницы:

«Памяти Александра Блока

Нет Александра Блока.

Пусто и гулко на свете.

Прекрасная Дама, смуглолицая Цыганка, разухабистая плясовица Солдатка – поникшие тени на берегу огранённой Невы.

Россия зегзицею кычет на берегу туманной Непрядвы, словно перед Куликовым полем.

Тонким пальцам не низать жемчуга стихов на тонкие нити сердец – синий ладан гибкотелою змейкой вокруг золота печальных свечей.

Кому возместить потерю: –

Нет Александра Блока!

Для кого сойдёт Христос на изумрудную траву заростающих улиц Петрограда?

Чёрная хмара широкими крыльями плёсов Поволжья – чёрный набат с берегов полночной Невы. Чёрным сургучём, чёрным:

умер Александр Блок.

Умер».

«Эта чёрная музыка» теперь уже не «Блока» (как писал о поэте в своём стихотворении Георгий Иванов), а всех участников журнала, разве что за исключением Тараса Мачтета (запись в его дневнике я не смогла бы переписать, даже если бы это кому-нибудь было необходимо). Сам текст так написать мог Вениамин Кисин: это соответствие «словесной походке» его стиха, и даже в знаках препинания – он. Но каждому так «пусто и гулко» от этой «потери».

Этим текстом прежде всего оправдано заявление: «Редакция надеется, что наш журнал займёт не последнее место в истории русской литературы».

В журнале – стихотворения Вениамина Кисина («Полишинель»), Дмитрия Майзельса, Бориса Кисина («Завет лаборантам-трошинцам студента Агасфера»).

Борис Кисин в иронично-юмористической форме в этом стихотворении и в «Истории декмаса» упоминает преподавателей Калиниченко, Куриленко, Фесенко, Кирсанова. В своих воспоминаниях руководитель Лаборатории живописи Николай Трошин рассказывает, что «Гимн художников-трошинцев» его талантливые ученики разучивали, чтобы

спеть ему: «В этом гимне, несмотря на шуточный с юмором тон, в общем были выражены наши творческие устремления, наш творческий задор, наш спартанский образ жизни».¹⁹

18 августа 1921 года Художественная студия прекратила своё существование – об этом обещание напечатать в следующем номере.

Всего было выпущено два номера журнала «Полишинель».²⁰

После окончания Художественной студии Борис Кисин с 1922 года по 1929-й учился на печатно-графическом факультете ВХУТЕМАСа (ВХУТЕИНа. – в 1927 году переименован) в мастерской В.А.Фаворского. «Принять в Высшие художественные мастерские на печатный факультет».²¹ В Зачётной книжке 283 – зачёркнуто или подчеркнуто - 832 студента II курса Кисина Бориса Моисеевича (1923 – 24 учебный год) написано: «ф-т графический»; «Проверено и оставлен во ВХУТЕМАСе. 15/У 24».²²

Во время обучения во ВХУТЕМАСе в 1923 году Борис Кисин написал пьесу «Мистерия. Уф-ф...ф», которая «была популярна на графическом факультете ВХУТЕМАСа в списках. По просьбе Владимира Андреевича Фаворского» Борис Кисин «переписал её для него». Действующие лица – преподаватели, сотрудники и студенты факультета (в том числе В.Фаворский, А.Родченко, П.Флоренский, М.Вольпин, А.Гончаров, Аксельрод, Кисин, Рындин, Соловейчик, Туганов, Тютчева...).²³

Борис Кисин получил профессиональное художественное образование. Он был участником и художественных, и литературных объединений Рязани.

Его поэтическое творчество «рождено и возвращено», как он сам писал, его братом. «Писать начал с 14 лет. Выступил впервые как поэт в 21 под псевдонимом Бориса Кевера»²⁴. «Кевер» на языке Иврит (так в тексте) означает «могила», указывает на мрачный характер творчества поэта»²⁵.

Вениамин Кисин был секретарём созданного им в Рязани в 1920 году первого отделения Всероссийского союза поэтов. В Государственном издательстве Рязанского отделения ВСП он издаёт целый ряд сборников стихов рязанских и московских поэтов, в том числе своих, Бориса Кисина (Кевера), Бориса Пастернака, Рюрика Ивнева, Павла Радимова, Ивана Белоусова, Александра Кусикова...:

«Голгофа строф», 1920;

«Коралловый корабль», 1921, «Обложка сработана в лаборатории живописи Трошина лаборантом Бор. Кисиным»;

«Киноварь», 1921;

«Сегодня», 1921, обложка Григория Тиходеева;

Вениамин Кисин. «Багряница», 1922;

готовит к изданию коллективный сборник «Огненный лебедь».

В 1922 году выходит сборник «Из недр земли»²⁶, где Вениамин Кисин публикует свою поэму «Предбанник (Искус)» с посвящением «М.Г.(так в рукописи, в публикациях «М.Е.)) Когану – пестуну, учителю и другу»²⁷ под рубрикой «люминисты». Борис Кисин (Борис Кевер) в этом сборнике, где представлены поэты и писатели различных литературных объединений, примыкает к поэтам направления «вне групп».

Вместе с братом Борис Кисин издавал ещё и рукописные сборники, в которых их стихи написаны от руки Вениамином, а Борис иллюстрировал и оформлял эти редчайшие драгоценности, проросшие талантами их авторов:

Кисин В., Кевер Б. Мандрагора. Стихи. Рукописный сборник. Рязань: 1921. Рис. Б.Кисина и Г.Туганова²⁸;

«Калейдоскоп». «Словопись – Вениамина Кисина, цветопись Бориса Кисина». Рукопись. Рязань, 1921.²⁹

Вениамин Кисин приглашает в Рязань на выступления со стихами и на участие в коллективных сборниках Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Павла Радимова, Александра Кусикова, Вадима Шершеневича...

Приезжали Пастернак, Радимов, Рюрик Ивнев, собирались приехать Есенин, Кусиков и Шершеневич.

31 августа 1919 года состоялось первое организационное собрание инициативной группы Рязанского Дома искусств³⁰, Вениамин Кисин руководит его поэтической секцией.

В письме Тарасу Мачтету Дмитрий Майзельс, обрадованный тем, что Дом искусств разрешён «законно», 9 июня 1920 года пишет: «Ждите меня к открытию». (РГАЛИ, 324, 1, 68).

«Центром культурной жизни Рязани стал «Дом искусств». Заведовал им Яков Францевич Симонс, преподаватель математики, любитель литературы, искусства». Балетной студией «руководила Татьяна Александровна Иванова, ставшая впоследствии исследователем творчества М.Ю.Лермонтова». Выступали будущие известные литераторы Анатолий Шишко и Степан Злобин, художник Г.Тиходеев, Вадим Рындин, ставший главным художником Большого театра, Народным художником СССР, поэт Сергей Оленин – псевдоним Сергея Александровича Ценина. «У Серёжи дома часто собирались молодые поэты. Тускло горит керосиновая лампа. Тлеют угли в печке. Мы лакомимся испечённой на них картошкой и читаем свои стихи. В Доме искусств слушали не только местных литераторов, но и Б.Пастернака и Б.Пильняка».³¹

В письме к рязанскому краеведу Дмитрию Коновалову Борис Кисин прислал свои воспоминания о центре культурной жизни Рязани начала 20-х годов – Доме искусств, о его вдохновенных участниках – поэтах, художниках, актёрах, музыкантах, прозаиках; о встречах рязанских поэтов не только в Доме искусств, но и в доме А.В.Селиванова у Сергея Ценина:

«...Среди деятельных работников Дома искусств были будущий народный художник СССР, главный художник Большого театра В.Ф.Рындин, в его работе принимал участие

художник-передвижник Я.Я.Калиниченко, выступали актёры, музыканты, прозаики, поэты.

Бывал здесь и будущий известный писатель Степан Злобин и гости – столичные литераторы.

Молодые рязанские поэты встречались не только в Доме искусств. Нередко мы собирались у Сергея Ценина. Тускло горела керосиновая лампа, тлели угли в печке. Мы угощались испечённой на них картошкой и читали свои стихи. Читал их и Сергей. Впоследствии он стал солистом музыкального театра, носящего имени народных артистов СССР К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко. Кроме того, Ценина знают как талантливую литератора – его перу принадлежат либретто опер «Семья Тараса» и «Никита Вершинин» Д.Кабалевского и «Фрол Скобеев» Тихона Хренникова и др.»³².

С.А.Ценин окончил Рязанскую мужскую гимназию Н.Н. Зелятрова (сидел с Эрастом Гариным за одним столом). В 1922-23 годах учился в Рязанском институте народного образования³³. В 1918 году «сдружился с семьёй Ф.А. Малявина, жившего в то время в Рязани. В Художественной студии, которой он руководил, ...постигал основы изобразительного искусства. Мечтал стать художником-декоратором, а стал певцом»³⁴. Окончил Музыкальный техникум им. Гнесиных в Москве. Оперный певец, либреттист, лауреат Сталинской премии, Заслуженный артист РСФСР.

В письме зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И. Егоровой Б.М. Кисин пишет: «Мечтаю осенью побывать в Рязани и посетить могилки отца, сестры и брата Самуила», передаёт «...привет В. Саввову, О.А. Цениной и Л. Никонову...».³⁵

Ольга Александровна Ценина – сестра С.А. Ценина. Жили они в доме своего дяди Алексея Васильевича Селиванова на Садовой, 13.

Борис Кисин, так же как и Сергей Ценин, в Художественной студии под руководством Ф.А. Малявина постигал основы изоискусства и высоких человеческих отношений.

Борис Кисин хранил рисунки своего учителя Ф.А. Малявина и эти рисунки говорят о глубоком уважении и преклонении перед мастером, о тёплых дружеских отношениях особенных, талантливых людей. На одном из этих рисунков – самые дорогие и близкие Малявину: его жена Наталья Николаевна Малявина с дочерью на руках³⁶, – опасаясь прежде всего за их жизни в России, художник вынужден был уехать во Францию.

Эти встречи, это общение, это участие в издании сборников поэтически и художественно – это всё университеты Бориса Кисина, умевшего впитать знания и умения людей особенных, наделённых высоким даром творчества. Борис Кисин не только получил образование в студиях, объединениях и училищах, о которых мы знаем по документам, – он всю жизнь свою высоко нёс свой дар, которым был наделён от рождения.

В 1921 г. Вениамин Кисин выступает с манифестом литературного течения «Прозовестие люминизма»: «...Наша лирика – это то, что вырубается на граните резцом по броне для передачи векам. Мы пишем вне сегодняшнего дня»³⁷; «Мы, группа поэтов, объединённых творческим мироощущением, воспринимаем мир не как сумму разнородных явлений, но как выражение единой сущности, лежащей в основе всего. Мы зовём это сущное Люменом. Lumen. Прорастают глаза через вещи и плывут в осиянности Люмена. Пробиваются через душу и материю. Единый свет выявляется в многообразии форм, и одно из них – стих. <...>. Люминизм для нас не только литературный приём, но и подвиг всей нашей жизни – жизнь по стихам и стихи по жизни»³⁸.

«Творчество не может быть общедоступным: слово понято только испытанным в искусстве. Наши стихи и наше дыхание – одно: стихи по жизни – жизнь по стихам. Утренним ве-

терком веет по травам и душам: – зелёный стебель – солнце – это слово питается <...> внутренне самовозгорающейся и неодолимой динамикой душевной эсхатологии – и образы в нём – живые лики и огневеющее излучение насущного «Оно», раскаленные брызги его пробивались сквозь тяжелые плиты и взлетали к звёздам»³⁹.

«Насущное «Оно», LUMEN;
бушующий свет; красно-
крылый вихрь;
багровая грудь
грозовых парусов;
слепительная пена
космических вздыханий,
не это и не то, но
всё во всём и ничто в
ничем, - вот оно,
искрогтивное, налетает,
как шквал, на утлое
сознание и по синим и
золотым полям рушащегося горизонта, в вулканической
симфонии, захлёстывает всё.

<...> но у самого надира, за последним пределом, в непроницаемом мраке – уже произрастает, как стебель, свет, и каплют росую зелёные волны, и в осиянном порыве, меж чёрных клочий, лазоревые лилии.

<...> И по огненным ступеням этого вспененного кипящего кровью слова, коралловый корабль наших стихов – с вала на вал, в смертельной схватке с плещущими горами, всё выше и выше – к обвитым зорями вратам, за которыми радостная слиянность звенит золотыми ключами «Оно».

Страшное единоборство с ритмом, сон, мёртвая материя, но из косматых лап зловещей косности уже прорастает сочащийся смолами стебель в вишнёвом цвету стиха..

Раздельные объекты для нас, люминистов, производное психической статики; динамически напряжена душа, исходя

из вещи, как из рамы, зачерпывает пригоршнями «Оно» и окропляет им, как живой водой, мёртвую косность вещей и пробивает брешь в безысходном тупике обречённой, тленной и проклятой историчности человечества с его ужасающим самообманом – построить железный мост к воздушному будущему.

<...> мы несём всем насущное, ибо только «Оно» пронизывая всех, связывает всех как избранных, воедино, не механически, не насильственно-мёртвой хваткой, но вечным возвращением к животворящим истокам прорастающего огненными побегами бытия.

Зелёный стебель – солнце.

Знаменосцы люминизма:

поэты: Вениамин Кисин,

Дмитрий Майзельс,

Николай Решиков».⁴⁰

(В публикации «Провозвестия люминизма», вышедшей в 1924 году, добавлены фамилии Тараса Мачтета и Натальи Кугушевой⁴¹. В статье «Люминизм» в Литературной энциклопедии Борис Кисин называет и себя в числе поэтов, примыкавших к этому литературному течению⁴²).

Декларация люминизма, написанная Вениамином Кисиным, не только провозгласила, но и отразила его мироощущение, его стихи бывшие и будущие, «и только преждевременная смерть поэта заставила поблекнуть “зеленый стебель – солнце”».

«На пасху он собирается ехать в Рязань. 11-го апреля отправляется на вокзал, но, опоздав на поезд, идет к знакомым в гостиницу «Вулкан» на Владимиро-Долгоруковской улице. В 12 часов ночи возвращается домой...»⁴³.

«11 апреля вечером был в гостях у А. Малкеса в гостинице «Вулкан» на Владимиро-Долгоруковской улице. Возвращался домой после полуночи».⁴⁴

«В ночь с 11 на 12 апреля Вениамин Кисин был убит бандитами на Владимирро-Долгоруковской улице у подъезда гостиницы «Вулкан».⁴⁵

В своём Дневнике Тарас Мачтет пишет о потере своего «товарища, полного сил и энергии, провозвестника иллюминизма».⁴⁶ (Так в рукописи. Для одних поэзия свет от Высшего источника, для других – всего лишь иллюминация): «Москва 15 апреля 1922 пасха суббота. Наступление Пасхи ознаменовалось совсем неожиданным убийством В.Кисина <...>. Напал пьяный бандит. «Руки вверх». И всё, что происходит в таких случаях, пуля в затылок наповал и быстрая смерть. <...> вчера его уже похоронили на еврейском кладбище».⁴⁷

На беду, в эту ночь не было рядом с Вениамином Кисиным «коричневого Наля» Беспорочного, о котором писал Кисин в своём посвящённом Борису Пастернаку стихотворении «Дамаянти» и который в индейской поэме не выстрелил в Златокрылого Лебедя и попросил своего колесничего Варшenea не стрелять. И Лебедь в благодарность за спасение рассказал Дамаянти о Нале, чтобы она полюбила его так же, как он её.

Вениамин Кисин был убит в возрасте 25, «кровь запеклась на простреленном лбу», и не вышел из печати «Огненный лебедь», им проанонсированный.

Он успел издать только один сборник своих стихов – «Багряница». Остались семь сборников его рукописей: «Звёздные ресницы», «Белое пламя», «Белена» – «Плаха пульса», «Асфальтовая месса», «Смерть в виссоне», «Мирское сердце», «Отшельник»; «Рязань на Яру» (его неоконченный роман), – которые он собирался издавать.

И не вышел альбом стихов его «Рязань на Яру» с обложкой и гравюрами на линолеуме Н.С. Трошина – руководителя изо-мастерской для рабочих и учащейся молодёжи, которую посещал Борис Кисин и которую назвали «Лабораторией живописи»: «<...> Без него уже не мог продолжить так интересно задуманную работу. Вот так было: бандитские

классовые бои ещё продолжались».⁴⁸ Эскиз обложки не сохранился, но художник повторил его в 1977 году в своей работе «Натюрморт-воспоминание» так же, как и серию «Рязань на Яру» из пяти картин – изображений Рязанских соборов 1971-74 гг.⁴⁹

Сам талантливый поэт, художник, искусствовед, полиграфист, педагог, Борис Кисин не мог не понимать, кто его брат, и сделал всё, чтобы достойно профессионально и талантливо увековечить его память, чтобы и современникам и грядущим поколениям искусство Вениамина Кисина стало известно как источник света и тепла и сам «он весь» – как «дитя добра и света».

Смертельную боль от потери брата можно было пережить только с его памятью, с его стихами в своём творчестве. И Борис Кисин издаёт в 1923 году в Москве сборник стихов брата с обложкой и рисунками Г.М. Тиходеева (Григорий Михайлович Тиходеев работал в театре Мейерхольда, стал инженером, доктором технических наук), с фотографией В. Кисина, со своей вступительной статьёй и с комментариями ко всем стихам, изданным и неизданным, с эпиграфом из стихотворения Вениамина Кисина из его неизданного сборника:

1. Как преодолеть смерть близкого,
Когда навеки закрываются глаза его
И дорогие черты засыпает земля?
2. Вот был он – и нет его,
Вот облегчал он страданья твои
Любовью свою –
И нет её.
-
3. Ещё звучит в памяти голос его –
А он в земле.
4. Ещё живёт в боли любовь
его –
А он уже тлеет.

5. Пища червей и разложения,
Жертва неведомого и непонятого.
(В.Кисин. «Белое пламя»⁵⁰).

Тетрадь со стихотворениями, не вошедшими в сборник 1923 года, со своими примечаниями, Борис Кисин оформил для передачи в архив. На обложку наклеено:

«Вениамин Кисин.
Собрание стихотворений
М. 1923
Исключённое»⁵¹.

Самые близкие друзья Вениамина и Бориса не оставили Бориса Кисина в его горе.

В одном из своих стихотворений Наталья (Таточка, как звал её Вениамин Кисин) Кугушева писала:

«...Наша грусть над чужим стихом –
Это юность была, это – радость.
Милый сверстник, Вы не тоскуйте, –
Эту ль жизнь поместить на плечах.
Догорает устало свеча,
И стихов догорают лоскутья,
Но по-прежнему ясен закат,
И плывёт над старой Рязанью
(Золотое воспоминанье!)
Белых яблонь густой аромат....
Ранней смерти цветком кровавым
Был увенчан наш друг и брат –
Те апрельские дни звучат,
Как зловещая медь литавров.
Но храним мы неугасимый
Звёздный отблеск его стихов,
Где горячую «киноварь» слов
На вершину взнесли серафимы...»⁵².

И почти сразу после гибели Вениамина она записала в альбом Кисина:

«Б.Кисину
Вы тихий, как бывают тихими зори,
Опрокинутые на дно колодца.
Я пишу Вам, Боря,
Что надо любить и бороться.
Лапы тягучей и старой Рязани
Над головою мученическим ореолом,
А в мутные стёкла робко влезает
Выжитых дней переплавленное олово.
31 мая 1922 года. Москва».⁵³

Дмитрий Майзельс написал стихотворение «Памяти Вени»:

«Прекратите, ангелы, рыжую солнца харю,
Божьей святости вонь.
Тушите, факелы, горечью и гарью
Чёрный огонь.
Над мировую сволочью –
Твой убийца Случай.
В голубом и синем сне –
Небо в ночь волчью.
Ты тронул тростник певучий
В последний снег
Или волнами – в сиянье,
В звоны, как звенья,
В так называемый космический хор, –
Ведь не скажут заранее.
А вместе мы шли, Веня,
В лесу певучих стихов.
Слово твоё взмеренное
В узорные зори, в цветные ветра.

Стебель зелёный – в солнечные взоры,
Закатав бронзовые веера.
Секретарь мудро улыбающийся отделения союза,
Увековечивший тягучую Рязань.
Вечностью мерцающая твоя застреленная муза.
Я ничего не сказал».⁵⁴

После гибели брата Борис Кисин публикует свои стихи и книги под своей фамилией.

Борис Кисин – автор первого отзыва о творчестве Сергея Есенина в Рязани: «В пятницу 1 января в 6 часов вечера в ауд. № 1 Дома коммунистического просвещения состоится вечер памяти Сергея Есенина. С докладом о творчестве Есенина выступит т. Кисин Б. и ряд товарищей прочтут стихи, посвященные памяти поэта. Вход свободный»⁵⁵, – и статьи глубокой и талантливой «Сергей Есенин»: «В Ленинграде трагически окончил жизнь поэт Сергей Есенин. <...>. Красочность, простота и чёткость стиха, его глубокая искренность и задушевность – таковы отличительные черты творчества Есенина. От имажинизма он взял его образность, от символизма – его «окна в вечность». Поэт хотел «опрокинутость неба слить в браке с опрокинутостью земли», хотел и «услышать слова ответные перезвона узловый завязи природы с сущностью человека». И в его лице русская литература понесла крупную потерю – преждевременно ушёл из жизни один из талантливейших поэтов наших дней»⁵⁶.

Борис Кисин участвовал в ряде литературных сборников, в том числе и в сборнике «Памяти Есенина», изданном Всероссийским союзом поэтов в Москве в 1926 году.

В черновике своего автографа – отзыва об этом издании Тарас Мачтет написал: «Из поэтов-рязанцев поместили свои стихи памяти Есенина Б.Кисин и Н.Хориков...».⁵⁷

В своём стихотворении Борис Кисин не просто повторяет поэтические образы всей жизни Сергея Есенина, – он передаёт «расставанье», пережитое только ему свойственным

своим стихом. Это стихотворение, «созвучное по тону стихам Есенина», как тонко охарактеризовал его исследователь творчества С.А. Есенина С.И. Зинин:

«Отзвенело сердце буйною тальянкой,
Отзвенело, звонкое, голубым ключом.
Утром стынет озеро ледяными склянками
Под белесым угасающим лучом.

Ластится лисица по тугой пороше,
Умирает пурпуром рябина в синь.
Жалостно волчица воет в роще
Средь ободранных оглоданных осин.
(в публикации: обглоданных оборванных)

Отзвенела молодость кабацкою гитарой.
Разве струнам в сердце вылечить кровяную грусть.
(в публикации: без слов «в сердце»)
Если паровозы, фыркнувшие паром,
Гудом прогудели в избяную Русь.

И в броне бетонной, цепкими руками
Трижды опоясанный маховиком,
(в публикации без запятых)
Город заковал в железо, в камень
Пугачёвской удали кумачёвый ком.

Пастухом кудрявым не свистеть в жалейку.
В земляничных венчиках не шагает Спас,
Только вихрь бензинный в каменных аллеях
И подвал беззубую раскрывает пасть.
(в публикации: открывает)

По ступенькам, ниже. И под мокрым сводом
(в публикации без запятой)
В скрежет граммофонов, в женский визг и смех,
Лаковый башмак кропя кромешной водкой,
Плакать о забытом гомоне застрех.

Слишком широко открылись вежды.
(в публикации: раскрылись)
Ничего не надо, ничего не жаль.
В этом мире грусть даётся нежным,
Листопада горькая, золотая паль.

Мать-земля, любимая! Блудница!
Губ твоих желанная краса.
На межах полынь и медуница,
На черёмухе звенящая роса.

О, земля! Последнее спасибо
За тоску, за радость, за поля, ...
За пургу кандальную в осинах,
За весенний шорох в тополях.

Клён роняет в осень алых листьев дождик,
Все мы, все мы в этом мире тлен.
Кто-нибудь из нас повиснет тоже,
Как и ты, в верёвочной петле.

“До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди”».

Последнюю строчку этого стихотворения в своём машинописном тексте в сборнике «Мёртвая петля» Борис Кисин зачеркнул и от руки написал: «Не приносит встречу впереди». ⁵⁸ В этом же сборнике в стихотворении, посвящённом его двоюродной сестре Жене, убитой при ограблении, пишет:

«Где, в какой звериной чаше
Скрыться мне от человеческих рож». ⁵⁹

В своём рукописном сборнике 1921 года «Чёрный Христос»:

«Убежать бы в скит, в горы, <...>
Ни злобы, ни страха не ведать,
Забрести на заре в буреломе
И кормить с ладони медведя,
Распевая святой псалом». ⁶⁰

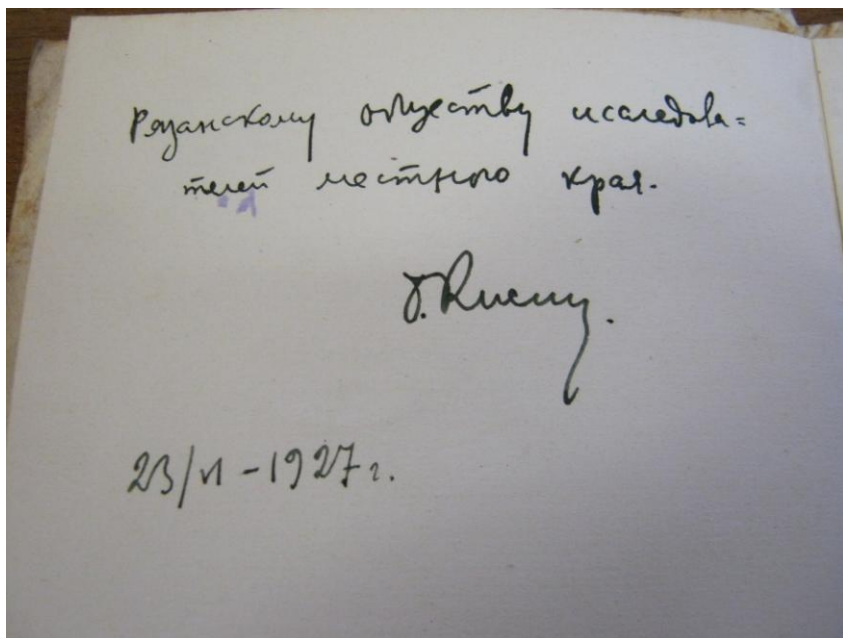
В 1927 году Борис Кисин издаёт сборник своих стихов, выносит на обложку слова из «Декларации люминизма», составляющие суть этого литературного течения – суть поэзии, несущей свет и к свету прорастающей:

«Зелёный стебель –
солнце
Борис Кисин
Стихи
Всероссийский союз поэтов. М. 1927».

«Макет, набор, печать и брошюровка книги – студ. Полиграфического факультета Б. Кисина. Исполнено в академической типографии ВХУТЕМАСа под руководством проф. Н.И. Пискарёва. Гравюры на дереве – студента Б. Кисина, А. Соловейчика и М. Фрама».

Борис Кисин посвящает свои стихи
«Солнечной памяти
брата и учителя
Вениамина Кисина».

(На обороте страницы с этим посвящением – дарственная надпись: «Рязанскому обществу исследователей местного края. Б.Кисин. 23/У1-1927 г.»).⁶¹

Эта книга начиналась так:

«Смотрите: поэт в загоне,
Чьей никто не знает биографии,
Стихи, выписанные в агонии,
Тискает собственноручно в типографии.

Сам и швец, и жнец, и в дуду игрец,
Кровяным кроплённый миром –
В одиноком холодном угле
Бряцает на застенчивой лире.

Москва

Солнце село за пыльные шпили.
Жесть. Железо. Асфальт. Бензин.
Мерить мерно мирные мили
От Мясницкой до грузных Грузин⁶².
Тучным чревом манит, дурманит
Моссельпрома жирный лоток,
Но в заплатах рваном кармане
Карандаш и потный платок.
У зелёно-жёлтой пивнушки
Нищий, вор, огульный разгул.
И застыл металлический Пушкин
На Тверском бессонном углу.

.....

Тощий вузовец – книжка под мышкой –
Пёхом прёт от грузных Грузин».

Следующие стихотворения тоже о себе и о той, которой

«... другой надел... на палец
Жёлтое тяжёлое кольцо»:

Н.Б.

...у лежанки сказки седокосой няньки -
Колдовскими космами смоляная ель.
Губы сладко пахнут мятой и ромашкой.
Окские затоны – глаз зелёный сон.

Золотистый месяц рыжей лапой машет,
По полям по облачным порскает лисой.
Скоро, скоро трижды крикнет петел,
Рыжим по земле забьёт крылом.
И застынет в мёртвой хватке петли
Сердце, стиснутое напролом.

.....

И как встарь крылатого Икара,
Что летел и не глядел назад,
Ждёт завтра огненная кара
Всех, кто солнцу заглянул в глаза.
Ты уйдёшь совсем через неделю.
А потом – тоска и смертный тлен.
Всё ж я плыл по розовым пределам
На крутой ладье твоих колен.
Пусть хоть день, - а я бродил с улыбкой
По цветам, по травам, по лесам.
И дрожали над рекою зыбкой
Молодые птичьи голоса.
И когда к тебе приду под утро,
Жгучий ужас вознеся крестом –
Улыбнёшься вежливо и мудро
Зацелованным до боли ртом.
И увидишь ли – далёкая, иная –
Под холодным лоском ловких фраз,
Что палач косматый распинает
Вновь тоску моих собачьих глаз.

.....

Я судьбе покорен. Не перечу.
Плачь не плачь – за днём приходит ночь.
Видно, друг, и эту встречу
Попусту прожить нам суждено.

....

Солнце опохнуло перед смертью
Нестерпимой радостью глаза.

.....
Не для того ль твой тонкий профиль
Мелькнул сквозь просинь табака,
Чтоб я опять рассудок пропил
Под жёлтой крышкой кабака». ⁶³

И в этой потере Наталья Кугушева поддержала друга:

«Ничего, мой друг, не тоскуйте, –
Эту ль жизнь поместить на плечах,
Если сердце любовью – в лоскутья,
Если тело страстям – сгоряча». ⁶⁴

Приведу ещё несколько строк Бориса Кисина из стихотворения в его сборнике:

«Николай П

.....
Матильды коленей худеньких
Чаши – под розовые образа.

.....
Самодержец вся Русь, царь польский,
 князь финский и пр. и пр.
Восточный деспот в дворцах Растрелли, –
У стены, где крапива и молочай,
Братвою расстрелян.....». ⁶⁵

Эту единственную вышедшую из печати книгу своих стихов Борис Кисин послал из Рязани (ул. Революции – Соборная, 8) в Сорренто М.Горькому в подарок и получил ответ: «...На мой взгляд, Вы отлично владеете стихом и у Вас хорошо развит вкус к слову <...> А всё же должен сказать, что для меня лично – мастерство ещё не искусство, не «поэзия». Поэзия – проста. <...>. Темы у Вас слишком «личные». <...>. Ваше мастерство разрешает предъявлять к Вам более

строгие требования. Это – не комплимент, но это – хорошо. Вы «в загоне»? <...>. Время – эпическое, а не лирическое. Жму руку. А.Пешков. 20-Х-28»⁶⁶.

В 1929 году свой диплом во ВХУТЕМАСе - в Высшем художественно-техническом Институте (в ноябре 1927 года переименован) Борис Кисин защищает как художник и полиграфист сборником стихов брата «Мирское сердце», написанных в 1921-1922 годах. (Макет и гравюры Б.Кисина. Исполнено в качестве дипломной работы по полиграфическому факультету Высшего художественно-технического Института. Отпечатано 40 экз. в типографии Института. Гублит – 28544).⁶⁷ В своих комментариях Борис Кисин пишет, передавая слова Вениамина Кисина: «Все персонажи «Мирского сердца» – сам автор. У поэта должно быть мирское сердце, радости и страдания со всеми»⁶⁸. Родные братья по рождению и таланту остались неразрывными и нераздельными и после ухода Вениамина Кисина в жизнь вечную, какими были в жизни земной.

Эту книгу Борис Кисин отсылает Евгению Евтушенко и пишет ему: «В 1922 году, прожив всего 25 лет, от пули неизвестного убийцы погиб мой брат. О нём положительно отозвался В.Брюсов. Дружил с ним и Б.Пастернак. После трагической смерти брата о нём писали С.Городецкий, П.Радимов, Б.Пильняк».⁶⁹ И Евгений Евтушенко опубликовал «строфы века» Вениамина Кисина в составленной им Антологии поэзии (2 изд.).

В 1929 году в журнале «Октябрь» Борис Кисин публикует очерк «Рязань» о своей грусти пережитого в городе «на пяти холмах и на трех реках: Дунайчик, Лыбедь, Трубеж...». Он был очевидцем и уничтожения некрополя Спасо-Преображенского мужского монастыря (остались памятники Ивана Пожалостина и Софьи Хвоцинской,⁷⁰ многие памятники пошли на постамент манизеровского Ленина), погрома церквей (в частности, в 1929 году закрытия церкви Ильи Пророка) и всего святого в прежней «непролетарской» жизни.

«...На кладбище Спасского монастыря, под тяжелыми мавзолеями, в тяжких склепах догнивают останки именитых рязанских граждан. Прочно и крепко строились склепы – на века, по домовитому ладили себе домовину. При жизни заботились о последнем пристанище. <...> Окна мавзолеев выбиты, выломаны иконы с памятников, не горят перед ними неугасимые лампы, размело, разбросало купеческих детей по белу свету – нет их, как не бывало, некому следить за дедовскими и прадедовскими домовинами.

Разнесло купеческих детей – а кто помельче, понезаметнее – бочком, бочком, потихоньку зацепился за рязанские будни, за рязанскую истовую, настоящую тишину, – а тишина в Рязани – даже руками ее ощущаешь: плотная, густая, добротная. Тихо, сонно, и по вечерам вдоль по улице Революции (бывш. Соборная) из-под колокольной вдруг потянет молоком и навозом – под колокольные звоны тянутся пегие, рыжие, чёрные – всех мастей – коровы... Разрывая чинный ряд, шарахается в сторону, где манят скудной зеленью топольки бульвара, несдержанная тёлка, и степенный старец в розовой выцветшей косоворотке стегает кнутом по мосолам, укоризненно выговаривая: “Ах, ты, пролетария!”...».⁷¹

После окончания в 1929 году Высшего художественно-технического Института Борис Кисин стихи писал только для себя. На вопрос Ал.Лесса, автора публикации «Неизвестное письмо А.М.Горького»: «Почему Вы оставили поэзию?», – Кисин ответил: «Жизнь сложилась иначе. Много лет я преподавал в Редакционно-издательском институте, был доцентом Полиграфического института, в 1943 году получил учёную степерь кандидата искусствоведения. Более трёх десятилетий я работал художественным редактором Учпедгиза, оформил, вероятно, несколько тысяч книг, в том числе школьные учебники, что мне особенно дорого».⁷²

Талантливый человек талантлив во всём. Более подробно о себе Борис Кисин написал в письме директору РГАЛИ

Наталье Борисовне Волковой при передаче материалов своих и Вениамина Кисина.

Работал более 35 лет художественным редактором в издательствах, выпускавших учебно-педагогическую литературу. Преподавал в Полиграфическом институте, степень кандидата искусствоведения, доцент. Одновременно работал как искусствовед, печатался в ряде журналов и газет. Член союза журналистов СССР. Выпустил две книги «Графика в оформлении книги», Гизлегпром, М.-Л., 1938 и «Графическое оформление книги», Гизлегпром, М., 1946 г. Вторая книга допущена Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для полиграфических институтов. Участвовал в коллективном труде «Основы оформления советской книги», 1956 г. Работал в области филателистической литературы. 1969 г. – книга «Страна Филателия» удостоена бронзовой медали на отечественной выставке и серебряной - на выставке в Будапеште. В 1980 году – две книги по филателии («Страна Филателия, изд. «Связь», М. и «Страницы истории на почтовых марках», изд. «Просвещение»), одна удостоена бронзовой медали. В его книгах «много места уделяется вопросам изоискусства при создании почтовых марок». Написал три стихотворных книжки для детей и 1 рассказ. В 29-30-х сотрудничал в литературной энциклопедии, которую выпускала Коммунистическая Академия, несколько статей и справочный материал. Одна из статей («Богородица») была отмечена А.В.Луначарским.⁷³ Он автор рязанского издательства «Атеист»: на основе своих статей в Литературной энциклопедии «Антихрист» и «Богородица» издал две брошюры «Богородица в русской литературе». М.: 1929» и «Антихрист как образ». М.:1930»⁷⁴.

Всё, что писал Борис Кисин, создано на основе глубоких знаний истории, культуры своей страны и всего мира. И его филателия – это история страны, это история изоискусства при создании почтовых марок; и вышедшие в издательстве «Атеист» тексты – это не «Религия – опиум для народа», как

заявлено на обложках этих книг. И не случайно он был редактором «Учпедгиза», «Просвещения»: по его работам – статьям и книгам – необходимо получать подлинное профессиональное образование, в том числе и полиграфическое по его учебнику-монографии «Графическое оформление книги»).

Борис Кисин понимал, что надо беречься, но куда деть космического масштаба таланты, непонимаемые и враждебные неударённым, применявшим для их определения слово «космополитизм», им самим тоже непонятное. Так, одну из книг Бориса Кисина «Графическое оформление книги», выпущенную в 1946 году, «объявили космополитической и фактически изъяли из обращения... В качестве безродных космополитов в Полиграфическом институте прорабатывали Абрама Григорьевича Шицгала и искусствоведа Бориса Михайловича Кисина. Шицгал, в прошлом боксёр, выдержал, а Кисин умер». Так тяжело он переживал эту проработку, которая грозила расстрелом или ГУЛАГом, постигшим детей работников Коминтерна упразднённой немецкой школы в конце 30-х, что «поговаривали, что он кончил жизнь самоубийством»⁷⁵. Но нет, не умер, и не горят рукописи и книги, и осталась эта книга для одарённых не только в Рязанской областной универсальной научной библиотеке им. М.Горького.

А во время «оттепели», когда можно было, чтобы не прерывалась связь времён, продолжить увековечение, воскрешение его брата передачей для грядущих поколений книг и рукописей его стихов, фотографий, документов, Борис Кисин передал их в фонды Рязанского областного краеведческого музея (РИАМЗ и Научная библиотека этого музея), Рязанского художественного музея (РОХМ им. И.П. Пожалостина), в Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР (РГАЛИ), Отделы рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (РГБ) и

Государственного литературного музея (ГМИРЛ им. В.И.Даля).

Благодаря Борису Кисину узнаём сведения биографии и все опубликованные стихи и рукописи неопубликованного литературного наследия Вениамина Кисина.

Вместе с материалами своего брата Борис Кисин предлагал и те редкие книги, которые хранил все эти годы и которые могли заинтересовать центральные архивы и музеи Москвы и Рязани. В Научной библиотеке РИАМЗ теперь хранятся:

Сивачев Михаил. «Фёдор Быльников». Изд. «Прибой», Л.: 1924;

Сивачев М. «Жёлтый дьявол». Повесть. М.-Л., 1924;

Шишко Анатолий. «Господин анархист». Роман. М.-Л., 1926;

Шишко А. «Комедия масок». Сатирический роман. М.-Л., 1928;

Шишко А. «Каменных дел мастер». Повесть жизни Баженова. М., «Сов.писатель», 1941;

Шишко А. «Альпы». М.-Л., «Дет. литература», 1944;

Витман Агния Михайловна, Покровская Н.Д., Эттингер М.Е. Восемь лет русской художественной литературы (1917-1925). Библиографический справочник под ред. М.А.Рыбниковой. Семинарий по современной литературе. М.-Л., Госиздат, 1926. (с пометкой: «Кисину»);

Лаврецкий А. (впервые изучил наследие М.Е.Салтыкова-Щедрина как литературного критика). Щедрин – литературный критик. М., «Худ.литература», 1935.

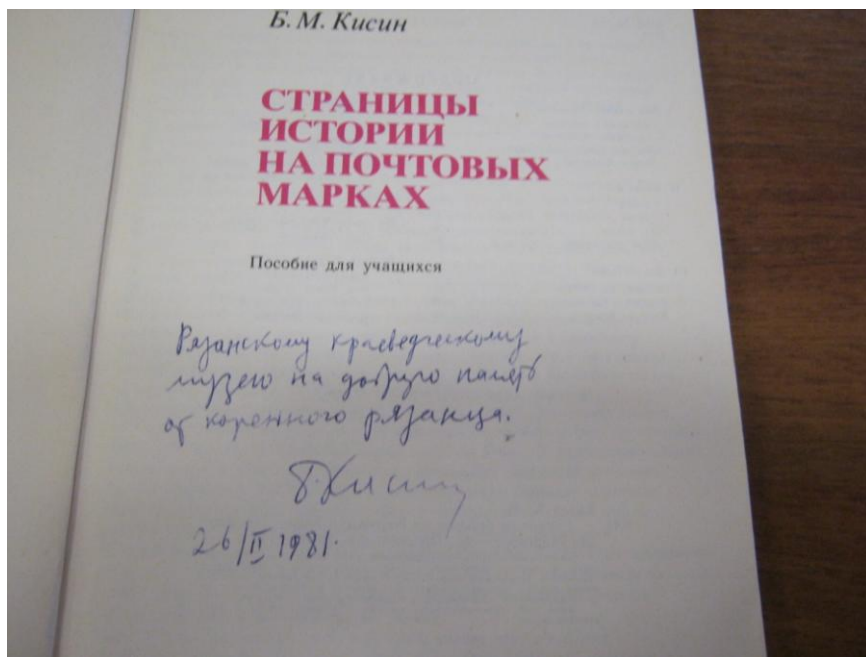
В Научной библиотеке и книга: Смирновский П. Теория словесности для средних учебных заведений. Изд. 19-е. Спб., 1914, – с автографом: «В.Кисин». (Борис Кисин предлагал и другие книги с автографами брата, в т.ч. сборники стихов Сергея Есенина).

В Рязань он передал свои книги:

Кисин Б. «Пуговишки хорошие, орешек и горошины». Рис Т.Мавриной. М.: ГИЗ, 1930;

Кисин Б. «Про нашего друга – про черный уголь». Рис.Т.Шевченко. М.: Изд. «Молодая гвардия», 1931;

Кисин Б. «Страницы истории на почтовых марках». Пособие для учащихся. М., «Просвещение, 1980. (С дарственной надписью: «Рязанскому краеведческому музею на добрую память от коренного рязанца. Б.Кисин. 26/II-81»)»⁷⁶;

Кисин Б. «Страна филателия».1969. (С дарственной надписью: «Рязанскому краеведческому музею на добрую память от коренного рязанца. 30 июля 1969 г.»⁷⁷;

Борис Кисин. Стихи. Изд. ВСП, М., 1927⁷⁸.

В числе переданных Борисом Кисиним книг, рукописей, фотографий в центральные архивы и музеи Москвы – в

Российском архиве литературы и искусства хранятся два сборника его стихов: «Стихи, которые не прочтут».⁷⁹

Наталья Кугушева написала в одном из стихотворений, посвящённых Борису Кисину:

«Не будет цветов и траурный лент.
Никто не отгрохает нам монумент,
И надпись не ляжет на плиты -
Здесь, мол, поэт погребён маститый»⁸⁰.

Эти строчки вызывают в памяти стихи Владимира Высоцкого:

«Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как Вечным огнём, сверкает днём
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил».⁸¹

Это вечная тема обстоятельств жизни поэтов, и Владимир Высоцкий мог написать эти строчки независимо от стихотворения Н.Кугушевой, но, конечно, мог знать эти стихи, - ведь на Таганке Юрия Любимова знали литературу не только по растиражированным и редким публикациям, но и по архивным материалам – письмам, дневникам, рукописям стихотворений, – и по личному общению с людьми особенными, талантливыми. Возможно, что это стихотворение Кугушевой произвело сильнейшее впечатление на Высоцкого и вызвало переключку стихов.

И в другом своём стихотворении Высоцкий писал о наблевшем:

«Не поставят мне памятник в сквере,
Где-нибудь у Петровских ворот».⁸²

Поставили. Борис Хмельницкий поставил. И до последнего своего вздоха был организатором, режиссёром и участником вечеров памяти В.Высоцкого. И Пётр Леонов был в Театре на Таганке центром комплектования архива Высоцкого, создателем и первым директором Центра-музея В.С.Высоцкого, который назвал задушевно по-домашнему – «Дом В.С.Высоцкого».

И Вениамину Кисину в день его 120-летия удалось установить мемориальную доску в Рязани на Соборной 13, в котором жили Кисины, из которого в середине 1921 года Вениамин Кисин уезжал жить в свою последнюю поездку в Москву. Кисины жили на втором этаже.⁸³ На эту квартиру 18 октября 1920 года Моисею Соломоновичу Кисину был выдан ордер № 6571⁸⁴. И теперь мемориальная доска на доме № 13 по улице Соборной в Рязани, посвящённая Вениамину Кисину, как бы воссоединит эту замечательную семью, не позволит забыть её значение для высокой культуры великой таковыми людьми России.

И на этой же улице – в переулке на доме № 8 по улице Соборной, в котором в конце 20-х годов жил Борис Кисин, стараниями и страданиями (как всё великое и высокое) дизайнера Киры Рязановой установлены две таблички: «Переулок Счастья 1» и во дворе тоже на доме № 8 по улице Соборной – «Площадь Согласия 1». В доме № 10 в своей квартире Кира Рязанова открыла Арт-Галерею «Переулок счастья», ещё не зная, что в доме рядом жил художник и поэт.

И стихи их прочтут, даже те из тетради Бориса Кисина «на брошенном столе» «с надорванной наклейкой «Жизнь», которые он переписал и в двух своих рукописных сборниках назвал «Стихи, которые не прочтут».

«Я умер. Мозг истлел, и нет ни слов, ни уст.
Лишь ветер гонит прах и пепел тлений.
Но ты пройдёшь тропой моих заветных чувств,
О, незнакомый друг из дальних поколений.
Ты раскрываешь тонкий слой страниц
В горячий полдень огненного лета,
И девушка дрожанием ресниц
Приветствует безвестного поэта.

Мой юный друг! Я снова буду жить,
Я в мир вернусь и улыбнусь я с вами.
И девушке ты о любви скажи
Моими безыскусными словами.
А ты, кудрявая, сорви цветок,
В земле пробивший крохотную дверцу,
И поцелуй дрожащий лепесток,
Быть может, выросший из сердца».⁸⁵

Примечания Источники

- ¹ РГАЛИ, фонд 681 ВХУТЕМАС, оп.1, ед. хр. 1104, сс. 4, 4 об.
- ² РГАЛИ, фонд 1624 Коллекция анкет и автобиографий, оп. 3, ед. хр. 8.
- ³ ГАРО, фонд 4, оп.77, т.УП, д.17, св.279. Списки евреев, проживающих в Рязани за 1912 год (12.1.1912- 7.1X.1912), с.37.
- ⁴ Там же.
- ⁵ РИАМЗ, НА-2256. Письмо Б.М.Кисина зав.фондами Рязанского краеведческого музея Е.И.Егоровой. 28 июня 1966 г.
- ⁶ А.Галушкин. «Люминизм Вениамина Кисина». «Литературное обозрение», № 2, 1998, сс. 8-13.
- ⁷ РГАЛИ, фонд 2255 Вениамин Кисин и Борис Кисин, оп.2, ед. хр.7; РИАМЗ, НА-2556. А.Беляков. «Далёкое прошлое». 6 октября 1965 г.
- ⁸ РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Воспоминания. Два друга», с.5.
- ⁹ РГАЛИ, 2255, 2, 22, лл. 1,2.
- ¹⁰ ГАРО, фонд 19, ед. хр.1431.
- ¹¹ Исай Локшин. «Евреи. Судьбы. Власть». 2008.
- ¹² РГАЛИ, фонд 341 Е.Ф.Никитина, оп.1, ед. хр. 275.
- ¹³ РИАМЗ, РОМ П-8, фонды 7388, ед. хр. 7,6,5,8,4.
- ¹⁴ РГАЛИ, фонд 681 ВХУТЕМАС, оп. 1, ед. хр. 1104, с.1.
- ¹⁵ РГАЛИ, 2255, 2, 7. Борис Кисин. «Из воспоминаний», с.1.
- ¹⁶ РГАЛИ, фонд 681 ВХУТЕМАС, оп. 1, ед. хр. 1104, сс. 6,7,10.
- ¹⁷ ГАРО, фонд Р-921, оп. 1, д.108, № 125. Списки (ведомости) студентов и вольнослушателей 1 и 2 курсов. 1920-1921г. Рязанского института народного образования (сообщила Н.Б.Чельцова).
- ¹⁸ РИАМЗ, РОМ П-8, фонд 7388, ед. хр. 18.
- ¹⁹ НБ РОХМ. Н.С.Трошин. Материалы архива художника. Воспоминания. Хранитель архива – дочь художника Е.Н.Трошина.

-
- ²⁰ РГАЛИ, фонд 2255 Вениамин Кисин и Борис Кисин, 2, 7. Б.М.Кисин. «Из воспоминаний», с.3.
- ²¹ РГАЛИ, фонд 681 ВХУТЕМАС, оп.1, ед. хр.1104, сс. 7, 10, 11, 12, 13, 14.
- ²² РИАМЗ, РОМ П-8, фонд № 7388, ед. хр. 17.
- ²³ РГАЛИ, 2255, 2,3. «Мистерия Уф - ф...ф». 1923. Автограф 1980-х.
- ²⁴ РГАЛИ, фонд 341 Е.Ф.Никитина, 1, 275.
- ²⁵ Там же, фонд 2255, 2, 12. Примечания и комментарии Б.Кисина к произведениям В.Кисина.
- ²⁶ РГАЛИ, № 78560.
- ²⁷ РГАЛИ, 2255, 1,13. Вениамин Кисин. «Предбанник». Автограф.
- ²⁸ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44.
- ²⁹ ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, фонд 277, оп.1, д.1.
- ³⁰ РГАЛИ, 324 Г.А.Мачтет и Т.Г.Мачтет, 1, 4. Заявление инициативной группы Дома Искусств во Внешкольный отдел Губернского отдела народного образования, б/д.
- ³¹ РГАЛИ, 2255 В.Кисин и Б.Кисин, 2, 7. Борис Кисин. «Из воспоминаний». Машинопись.1982 г., сс.3, 4.
- ³² НБ РИАМЗ, Борис Кисин. «Вдохновлённые революцией», «Приокская правда», 8 ноября 1981 года.
- ³³ ГАРО, фонд Р-921, оп. 1, л. 13 об. (сообщила Н.Б.Чельцова).
- ³⁴ «Приокская правда», 1984, 3 апреля.
- ³⁵ РИАМЗ, НА-2556.
- ³⁶ РОХМ им И.П.Пожалостина.
- ³⁷ РГБ, Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А.Бродский и Н.П.Сидоров. «Новая Москва», 1924. Декларация люминистов, с. 227.
- ³⁸ Там же, «Провозвестие люминизма», с.227, 228.
- ³⁹ РГАЛИ, фонд 2255, оп.1, ед. хр. 11. В.Кисин. «Провозвестие люминизма». 1921 г. Автограф.

-
- ⁴⁰ ОР ГМИРЛ им.В.И.Даля, фонд 277, оп.1, д.2. Кисин В.М., Майзельс Д., Рещиков Н. «Провозвестие люминизма». Манифест, г. Москва, 1921, авторграф В.Кисина, сс. 5,6,8,9.
- ⁴¹ РГБ, Литературные манифесты. «От символизма до «Октября». Сост. Н.А.Бродский и Н.П.Сидоров. «Новая Москва», 1924, с.231.
- ⁴² Литературная энциклопедия. Государственное издательство «Советская энциклопедия», М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Т.6. Гл. редактор – А.В.Луначарский. (В т.1 в перечне сотрудников: «Кисин Б. – поэтика»).
- ⁴³ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вступительная статья Б.Кисина в сборнике: Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.:1923.
- ⁴⁴ РГАЛИ, 2255,2,12. Борис Кисин. Примечания и комментарии к произведениям Вениамина Кисина.
- ⁴⁵ РГАЛИ, 1624, 3,8.
- ⁴⁶ ОР РГБ, 162 Г.Мачтет и Т.Мачтет, 8, 3, с. 160 об.
- ⁴⁷ Там же, с.158 об., 159 об.
- ⁴⁸ НБ РОХМ, Воспоминания Н.С.Трошина. Материалы из архива художника.
- ⁴⁹ ГАРО, фонд Р-5039, оп. 1, д. 259. Автобиография и переписка с художником-рязанцем Трошиным Николаем Степановичем.
- ⁵⁰ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44. Вениамин Кисин. Собрание стихотворений. М.: Изд. ВСП, 1923.
- ⁵¹ РГАЛИ, 2255, 2,15.
- ⁵² ОР ГМИРЛ им.В.И.Даля, 366, 1,3, л.46. Автограф Н.Кугушевой.
- ⁵³ Там же, 277, 1, 4, л.6. Альбом Кисина. Автограф Н.Кугушевой. Москва, 31 мая 1922 года.
- ⁵⁴ РГАЛИ, 2255,2,20. Д.Л.Майзельс. «Памяти Вени». Автограф Б.М.Кисина.
- ⁵⁵ НБ ГАРО, газета «Рабочий клич», 31 декабря 1925 г.
- ⁵⁶ Там же, 3 января 1926 г.
- ⁵⁷ ОР РГБ, фонд 162 Г.А.Мачтет и Т.Г.Мачтет, кн. 3, ед. хр.31.

⁵⁸ ГМЗЕ, «Памяти Есенина», М.: изд. ВСП, 1926 г., сс. 186-187. (В этом сборнике на сс.225-226 помещено и стихотворение Василия Фёдорова, которое приписывается Борису Кисину).

РГАЛИ, 2255, 2,2. Борис Кисин. «Мёртвая петля». 3-й сборник стихов. 1922-1926, сс.6,7.

⁵⁹ Там же, сс. 13-15.

⁶⁰ РГАЛИ, 2255, 2,1. Борис Кевер. «Чёрный Христос». 1 сборник стихов. 1921.

⁶¹ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44 № 7264, сс. 4; 8, 9,11,13,31,44;35,36.

⁶² РГАЛИ, фонд 681 ВХУТЕМАС, оп.1, ед. хр.1104. В Личном деле студента полиграфического факультета Бориса Моисеевича Кисина указан его адрес: «угол Большой Грузинской и Медынки, дом 3, кв. 12».

⁶³ Там же, сс.8,9,11,13,31,44.

⁶⁴ «Литературный особняк», Стихи, 1929, с.30.

⁶⁵ Там же, сс.35,36.

⁶⁶ РИАМЗ, НА-2256. Фотокопия письма М.Горького. Подлинник – в ИМЛИ.

⁶⁷ НБ РИАМЗ, В.Кисин. «Мирское сердце». Стихи. М.:1929.

⁶⁸ РГАЛИ, 2255, 2, 12.

⁶⁹ РГБ, «Строфы века», 2 изд., Минск-Москва, 1997, с. 315.

⁷⁰ НБ РИАМЗ, К.Любарский. «Рязанский некрополь». Ч.1. «Спасский мужской монастырь». Рязань, 1914.

⁷¹ НБ РИАМЗ, журнал «Октябрь», кн. 8, изд. «Московский рабочий», М.: 1929, с.141-148;

РГАЛИ, 2255, 2, 7. «Воспоминания. Рязань», сс.2-3.

⁷² «Огонёк», 1964, № 48, с. 9.

⁷³ РГАЛИ, 2255, 2, 17. Письмо Бориса Кисина от 20 сентября 1981 года на имя Н.Б.Волковой с изложением его краткой биографии.

⁷⁴ Литературная энциклопедия. Гос. изд. «Советская энциклопедия». М.:ОГИЗ РСФСР, 1929. Т.1.

⁷⁵ Е.Немировский. Мои полиграфические университеты. Compufrt.ru/article/8605.

⁷⁶ НБ РИАМЗ, Р2Р К-44, № 379.45.

⁷⁷ Там же, № 31106.

⁷⁸ См. сноску 47 и текст дарственной надписи на этой книге.

⁷⁹ РГАЛИ, 2255, 2, 4. Б.М.Кисин. «Стихи, которые не прочтут». Сб. стихотворений. Т.1. Избранное. Машинопись и автографы. 1923-1981; 2255, 2, 6. Б.М.Кисин. «Стихи, которые не прочтут». Сб. стихотворений. Т.2. Не для избранного. 1928-81.

⁸⁰ ОР ГМИРЛ им. В.И.Даля, 366, 1, 3, л.55. 28 октября 1951 г.

⁸¹ В.С.Высоцкий. «Вершина». Собр. соч в 5 тт. Т 1. Изд. «Тулица», Тула: 1993, с. 177.

⁸² В.С.Высоцкий. «У меня было сорок фамилий». Там же, с. 64.

⁸³ РИАМЗ, НА-2256. Письмо Б.М.Кисина зав. фондами Рязанского краеведческого музея Е.И.Егоровой.

28 июня 1966 г.

⁸⁴ ГАРО, фонд Р-232. Материалы по выдаче ордеров на занятие квартир и помещений. Оп.1, д.54, с.733. Заявление члена Чрезвычайной жилищной комиссии А.Соколова с просьбой «выдать ордер на квартиру Кисина по уплотнению для занятия одной комнаты» с резолюциями и припиской Жилищного отдела горисполкома.

⁸⁵ РГАЛИ, 2255, 2,4. Б.М.Кисин. «Стихи, которые не прочтут». Сб. стихотворений. Т 1. Избранное. Машинопись и автографы. 1923-1981. «Посвящение», с. 1.

Галина Иванова.

«ЖИЗНЬ»

Стихи, которые прочтут

**Российский государственный архив
литературы и искусства**

Фонд 2255

Кисины Борис Моисеевич и Вениамин Моисеевич,
опись 2, ед. хранения 4.

Б.М.Кисин

Стихи, которые не прочтут
Сборник стихотворений, т.1 Избранное
Машинопись и автографы
1923-1981, 57 л.

Борис Кисин

Стихи, которые прочтут

Посвящение

Я умер. Мозг истлел, и нет ни
И слов, ни уст.
Лишь ветер гонит прах и пепел тлений.
Но ты пройдёшь тропой моих заветных чувств,
О, незнакомый друг из дальних поколений.
Ты раскрываешь тонкий слой страниц
В горячий полдень огненного лета,
И девушка дрожанием ресниц
Приветствует безвестного поэта.
Мой юный друг! Я снова буду жить,
Я в мир вернусь и улыбнусь я с вами.
И девушке ты о любви скажи
Моими безыскусными словами.
А ты, кудрявая, сорви цветок,
В земле пробивший крохотную дверцу,
И поцелуй дрожащий лепесток,
Быть может, выросший из сердца.

1958

Из прошлого

Быстроногая. Солнце девичьих кос.
Над рекою скамейка. Горбатый откос.
Кипень белого платья. Немыслимой синью глаза.
Так пришла ты ко мне пятьдесят лет назад.
Сколько дней пролегло. Ты старуха теперь.
В опустевшей избе заколочена дверь.
Над разбитой трубой не лохматится дым,
И затоптаны начисто наши следы.
Или, может, давно – там, где роща и мост,
Приютил тебя бедный рязанский погост.
Но спускается ночь. И в бессонную дрожь
Ты приходишь, как прежде, ты снова живёшь.
Озорная, красивая... нечем дышать...
И как будто заветные липы шуршат,
И звезда пробивается сквозь облака,
И неловкою лаской в руке рука,
И над ярью полей, над багряной грядой,
Я весёлый, задорный и молодой...
Сердце бьётся, как птица. Твой голос в ответ.
Но втекает в окно непреложный рассвет.
Скудный луч серебрит лоск холодных седин.
Я один.

1965

В метро

Под Ярцевом

Мадонна Сычевская

1942

Росстани

Я коснулся губами губ, я тебя целовал при всех.
Голосистое золото труб,
Синеватый весенний снег.
До чего же ты хороша!
Дай взглянуть на тебя ещё.
Ветер, траурной лентой шурша,
Шевельнул цветы возле щёк.
И в ногах у тебя цветы,
Руки сложены на груди,
А с немислимой высоты
Нестерпимая бездна гудит.
На стене твой пылится берет,
Голубое слиняло пальто.
Бесконечность и вечность? Нет.
Пустота, немота, ничто.

1966

Весна

Опять весна. Опять нагая грудь
Мерещится сквозь лунные лучи.
Приди, нежданная. Побудь со мной, побудь...
На крыше лист оторванный стучит,
Часы хрипят. И вдруг издалека,
Из призрачной страны воспоминаний, -
Доверчивая девичья рука
И повилики запах пряный.
Года спадают брэнной шелухой,
Стираются рубцы морщин.
Над полночью, слепою и глухой,
Сверкает солнца золочёный щит.

Мы снова молоды. И вместе мы опять.
Неистов день. Неистошими силы.
И не густая старческая кровь –
Вино багряное клокочет в жилах.
Цветут сады. Колышется трава.
Свистят синицы. Лес шуршит над кручей.
Бесстыдные, бессвязные слова...
В твоих глазах лукавый лучик.
... Трава засохла. Лес истлел и сгнил.
Синицы сгинули. И нет тебя на свете.
Над бугорками брошенных могил
Венками ржавыми грохочет ветер.
Не возвратится время. Не придёт назад.
Погаснут, догоревши, свечи.
Неистово свистит железная лоза
Над смертную судьбою человеческой.

1967

Нечаянная встреча
1936

Я тебя провожал на каком-то вокзале
1967

Покрылось сердце жёсткою корой,
И кровь густеет в одряхлевших жилах.
В июльский зной иль зимнею порой
Ты станешь над открытою могилой
И скажешь: «Он ушёл, заветный друг,
Отмеченный судьбиною поэта.
Замкнулся утлых дней недолгий круг
У края пресловутой Леты».

О, мать моя суровая Земля,
Хлеставшая нас ливнями косыми,
Метелями слепившая зазря,
Прими на грудь обиженного сына.
Возьми его застывшие глаза,
Возьми его последнее дыханье
И брось росой целебной в старый сад
Иль глиной - в недостроенное зданье.
И пусть чрез десять тысяч лет
В сияньи неизменного заката
Другой, ещё невиданный поэт,
Сомнёт траву, что мной была когда-то.

1955

Собачья
1924

Памяти Зои Григорьевой
1924

Бандитская
1923

Твоей памяти

«Так прокричал передутрений петел,
Как и заря на Можайский на шлях».
В.Кисин.

На Можайский шлях не заря упала,
На Можайский шлях не ветер пал.
По Можайскому шляху в полынном опале
Последняя твоя тропа.

Брату

Чёрный полог с белой звездой.
Вечная память и вечный покой.
Не шевельнуться и не вздохнуть.
Долог и краток последний путь.
Галки кричат на Можайском шоссе,
Тащатся дроги на стылой росе.
Прожито мало – жить бы да жить,
Солнцу смеяться, любить и тужить,
Звёзды увидеть в утренней мгле,
След свой оставить на вечной земле.
Не досмеялся, не дотужил –
Голову ночью на камни сложил.
Кто твой убийца? Куда он пропал?
В тёмных дворах затерялась тропа.
Кровь запеклась на простреленном лбу,
Ветер над мёртвым затеял гульбу.
Да в багрянце холодной зари
Стыли ослепшие фонари.
Не досмеялся, не дотужил,
Голову даром на камни сложил.
Только остались в свитке веков
Светлые строки мудрых стихов.

1976

Мне всё равно, что для потехи
Возьмут мои стихи в библиотеке,
Когда я после жизни скудной и не бурной
Смирненно упокоюсь в урне.

Что вам, как мы любили и вздыхали,
С какими воевали мы грехами,
Какие бездны звали нас на дно –
Вам будет непонятно и смешно.
Другие дни, другие люди...
Мне всё равно. Меня не будет.

1977

**Прощальная
Памяти Г. Тиходеева**

Эх, дружище, что это за шутки?
Отчего в белесый зимний час
Ни на миг, ни на минутку
Не откроешь помутневших глаз?
Что с тобою? Где твоя ухватка?
Обряжён, причёсан и обут,
Ты лежишь в накрашенном и гладком
Блёстками разубранном гробу.
Города бетонная громада
Фонарями раздробила ночь,
А тебе здесь ничего не надо,
А тебе спокойно и темно.
Ветер гонит ржавые былинки,
Яблоня осыпалась в саду.
Никогда, ни по какой тропинке
Я к тебе навстречу не приду.
Не дожидаться нового свиданья.
Смерть не отогнать, не застращать.
Милый мой! Увы! – не до свиданья,
А на веки-вечные прощай.

Актриса

Дон-Жуан

Доктор Петров
1934

Встреча с Амундсеном

О трубке

Поэт

<...> А если ты слеп, а если ты глуп
И, как плесень, провис на лесах –
Сломай лучше пальца умелых рук,
Чтоб больше не смели писать.

1940

В дороге

Вороны на крышах горбатых
И солнце висит, как медаль.
Идут по дороге солдаты
В морозную мутную даль.
Идут по дороге на запад,
На танков зазубренный след.
И ёлка косматою лапой
Махнула тревожно вослед.
Сон клонит. Ни утро, ни вечер.
А жизни ничтожна цена.
Там где-то над гаснувшей свечкой
Сидит сиротливо жена.

И книги пылятся на полке,
И бронзовый томный амур.
Оборван, на ниточке шёлковой
Над лампой слепой абажур.
Не думать. Не помнить. Не надо.
Забудь об отце и жене.
Лишь тяжкой кувалдой приклада
Долбит по измокшей спине.
Всё ближе и скрежет и грохот
В обугленный вздыбленный лес.
Ты бросишься – крошечный, крохотный
Громадине наперерез.
Взметнулись багровые всполохи,
И нет нам иного пути:
В железо одетому ворону
По нашей земле не пройти.

1941

Сынам Израиля

Я прожил жизнь. И много раз
Стучалось горе у моих дверей.
Но никогда, как в этот горький час,
Мне стыдно не было, что я еврей.
Не ваших ли сестёр свинцовый дождь крошил,
Не братьев ли сжигали в пламени печей,
А вы, подсчитывая барыши,
Усердно жмёте руки палачей.
На строгих фраках мозг и кровь,
На пухлых пальцах вонь напалма...
Рассеченная пулей бровь,
Расщепленная в клочья пальма...

Детей и стариков застывший взор,
Осколки кирпича в стене разбитой,
И несмываемый позор
На голубом щите Давида.
Не преступайте роковой черты!
Не разжигайте праведного гнева.
Сгорят Саронские цветы
В пустынях мёртвого Негева.
Не голосите ржавую трубой,
Земною не кичитесь силой.
Вас не спасёт ни Бог, ни Бонн,
Американский не придёт Мессия.

1968

Возмездие

«В Париже в кафе убит Петлюра»
(из газет)

<...>

Он жёг города, он сёк стариков,
Он девушек – банде лохматой.
И выжжена кровью на веки веков
Проклятая, страшная дата.
Но вот, возлюбивши покой и тишь,
Он жизнь доживать уехал в Париж.
А ночью в кафе, сквозь дождь фонарей
К нему подходит сутулый еврей
И в стон саксофонов, в нестройный гул
В упор посылает семь верных пуль,
Семь верных пуль – одну за одной,
И падает враг, будто камень, на дно.

А он рукавом вытирает дуло.
Спускает на место тугой курок.
Теснее и жарче людей кольцо,
Но смотрит убивший всем прямо в лицо.
Есть вещее слово: возмездье и месть,
Есть вольное слово: свобода и честь.
И мудрость удара пряма и проста,
Как чёрного кольта властная сталь.

Послесловие

Мои стихи умрут со мной.
Засохнут на нечитанных листах,
Как лепестки, спалённые жарой,
Как листья на затоптанных кустах.
Стихи умрут. Я больше знал утрат.
Кто станет о стихах тужить?
На брошенном столе лежит тетрадь
С надорванной наклейкой «Жизнь».

1976

Я с вами был и больше нет меня.
Сомкнулся углых дней короткий круг.
Ты, в память обо мне испив вина,
Переверни пустую чашу, друг.

1979

С чужого голоса

1 Странник
/Есенин/

П Эмигрант
1959 /Вертинский/

Прощание
1960

Признание
1960

**Пока твой ясен ум – ты смеешь жить,
Пока тверда нога и зорек глаз.
Но если самого себя ты пережил,
Своей рукой готовь последний час.**

1980

Не А.С.Пушкин

Я памятник себе воздвиг – он рукотворный,
Рубцами строк начертанных покрыт.
Ему не вознестись главою непокорной
Соперником бессмертных пирамид.
Нет, весь я не умру: Душа в негромкой лире
Меня переживёт и след мой сохранит.
И долго будут знать в подлунном мире,
Что был ещё один непризнанный пиит.
А на архивной тесной полке
Уляжется неброский том
Рождённых, может быть, без толку
Стихов, которых не прочтёт никто.

1981 (автограф)

«Я смерти так боюсь
и так ей был бы рад»

В. Кисин.

Приди, безноса, не как убийца,
А избавительницей. Я устал.
Голодные взерошенные птицы
Умолкли в обезглавленных кустах.
Тускнеет неба благодстная просинь,
Тяжёлый полог растянула тьма.
А для меня пришла не осень –
Безмолвная, промёрзшая зима.
Густеет кровь. Бессильно бьётся сердце.
Испит до дна желаний пряный грог.
И пролегла за утлой дверцей
Последняя из всех земных дорог.

1981 (автограф)

**Российский государственный архив
литературы и искусства**

Фонд 2255 Кисины Борис Моисеевич и
Вениамин Моисеевич,
опись 2, ед. хр. 6.

Б.М. Кисин

Стихи, которых не прочтут.
Сборник стихотворений.
Т.2.

Не для избранного.
Машинопись и автограф
1928-1981, 32 л.

В музее
1939

У порога

Испанка
1938

Далёкая

Полка с десятком книг
1965

Был...
1965

Не могу себя удержать
1965

Ничего я теперь не знаю

Только б разум остался ясным

Сумбур

Научите меня, о люди
1968

Проводы
1932

«Не ругайтесь, такое дело»,

Не сердитесь, что не пишу.

<...>

Не поставят мне, к сожаленью,

На Ваганьковском монумент.

1939

На площади

Зелёный берет плывёт над толпой,
Твой профиль отточен, как нож.
И снова от страсти глухой и немой
По сердцу желанная дрожь.
Кто ты, я не знаю. Но тысячи раз
Я видел тебя по ночам.
И свет нестерпимый призрачных глаз,
И косы по тёплым плечам.
Ты Донною Анной являлась ко мне,
И шпаги гремели в упор
И серую грудой надгробных камней
Вставал за тобой Командор.
Иль вдруг Дульцинеей под треск кастаньет
По миртовым рощам ты шла
И рыцарь лобзал твой невидимый след,
Сгорая под тяжестью лат.
Но это горячий весёлый май,
И флаги, и песни, и смех...
И ты мне в лицо заглянула сама,
Откинув мерцающий мех.
И сердце, как птица, летит из груди,
Чтоб лечь на твоих руках.
На пыльной площади наши следы -
Скрестившись, как два клинка.

Так брось, как перчатку, надменный взор,
Чтоб сразу мы стали вдвоём,
Чтоб было лишь лето, да чёрный узор
На тонком платье твоём.

1953

На погосте
1953

О поэте
1924

Ночью улицы заснувшие молчат
1971

Не тускнеет она, не старится

Пришла пора

Простились все мои грехи
За то, что бросил я стихи.
Пришла пора – и я утих,
Прощай навеки, бойкий стих.
Зачем на старости грехи?
Кончай, поэт, строчить стихи.
И нет стихов – и нет грехов,
И нет грехов – и нет стихов.
Всё так, всё – так – грехи, грехов,
Но жаль, что больше нет стихов.
Придите ж вновь, грехи, грехи,
Вернитесь вновь, стихи, стихи.
...Нет, не бывать былым грехам,
Нет, не звенеть опять стихам.

1981

Мемориальная доска Вениамину Кисину

Мемориальная доска поэту Вениамину Кисину в Рязани (на Соборной 13, где Кисины жили на втором этаже, № ордера 6571, в 20-х годах XX века и откуда Вениамин Кисин уезжал в свою последнюю поездку в Москву,) была открыта 21 марта 1917 года в 120-й день его рождения по новому стилю в нашем XXI веке, в День Поэзии, Всемирный. Установили мемориальную доску накануне, 20 марта, – в Международный День Счастья.

Вот так высокая культура «переворачивает»:
999, – известное число.

Содержание

Вениамин Кисин

«Алмазная корона в небесах...».....7

«Плаха пульса»

Стихи опубликованные и неопубликованные.....61

Борис Кисин

«Эту ль жизнь поместить на плечах».....77

«Жизнь». Стихи, которые прочтут.....118

Мемориальная доска Вениамину Кисину.....134

Вениамин Моисеевич Кисин

Борис Моисеевич Кисин

«Вербы весенняя весть»

Подписано в печать 05.06.2017 г.
Формат 70х90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Дизайн обложки Жуков В.Ю.
Печ. л. 8,75. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-904308-07-0

Отпечатано
ИП Жуков В.Ю.
г. Рязань, ул. Чкалова, 33а
(4912)99-13-40
(4912)98-32-39
www.print-rzn.ru

Эта книга – подарок, продаже не подлежит